

Сергей Жарков

**Москва навсегда. О
нелюбви и не только**

«Издательские решения»

Жарков С. А.

Москва навсегда. О нелюбви и не только / С. А. Жарков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906883-5

Обычная для современной России история провинциалов, покоряющих Москву, разворачивается в драматическое повествование о дружбе и предательстве, о семье и карьере, о непонимании между женским и мужским «Я». Непредсказуемый финал истории не оставит равнодушным ни одного читателя. Психологическую глубину роману придают иллюстрации, сделанные немецкой художницей Еленой Грауэр. Читайте книгу, и я буду рад, если после прочтения вы напишите свой отзыв.

ISBN 978-5-44-906883-5

© Жарков С. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Приезд	6
Глава 2. Знакомство	13
Глава 3. Юля	15
Глава 4. Предложение	17
Глава 5. Карниз	22
Глава 6. Ссора в кафе	30
Глава 7. Свадебное путешествие	37
Глава 8. Сон	44
Глава 9. Обман	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Москва навсегда О нелюбви и не только

Сергей Алексеевич Жарков

© Сергей Алексеевич Жарков, 2018

ISBN 978-5-4490-6883-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1. Приезд

– Граждане пассажиры, приехали! Конечная станция Москва! – объявила маленькая востроносая проводница седьмого плацкартного вагона. Пассажирский поезд, прибывший из Западной Сибири, раскинулся шестнадцативагонным телом по перрону Казанского вокзала. Сотни пассажиров устремились навстречу столице. Среди них был двадцатитрехлетний Андрей Крайнов, среднего роста, крепкого, скорее жилистого, сложения, светло-русый и коротко стриженный, он был в туфлях Баффало, летних голубых джинсах, короткого рукава футболке. Закончив университет и отслужив лейтенантом, год проработал в торгово-производственной фирме в родном Новосибирске. Он долго добивался и, наконец, добился перевода в Москву в отдел маркетинга, в центральный офис компании, и сейчас, попрощавшись с проводницей, выходил навстречу своему московскому будущему.

На перроне Андрея встречал старый школьный друг Денис Столяров, переехавший в Москву около года назад. Денис работал аранжировщиком поп-музыки, его карьера развивалась успешно для музыканта из провинции – он пережил начальный, самый сложный для приезжего период московской жизни, поработав несколько месяцев звукорежиссером и музыкантом в московском клубе Hungry Duck. Его заметили в музыкальной тусовке, и сейчас он устроился аранжировщиком на студии Дмитрия Валерьяновича Лещенкова – когда-то главной звезды советской эстрадной песни, неувядаемое мужское обаяние которого еще пользовалось спросом на корпоративах у менеджеров и бухгалтерш финансовых и сырьевых фирм – флагманов российской экономики. Зарабатывая у Лещенкова превращением его патристических советских хитов в мускульные синглы с современным звучанием, Столяров саунд-продюсировал будущих московских поп-звезд, с ненасытным удовольствием провинциала вкалывал и вгрызался в нутро российского шоу-бизнеса.

Долговязая Денисова фигура недвижимо стояла среди бешеного перронного мельтешения прибывших, встречающих, грузчиков, таксистов, продавцов минеральной воды, сдатчиков квартир на ночь или сутки.

– Как ты, Денис? Освоился в Москве? Машину успел купить? Ты, вроде, собирался, – поздоровавшись, спросил Крайнов.

– П-п-привет, – с детства он немного заикался, близкие люди, зная это, ждали следующих слов и фраз, которые он чаще всего говорил без запинок. – П-п-пока нет, на метро поедem, а в Новосибирске что нового?

– Из самого нового – Щербицкий месяц назад развелся...

– Н-н-ну, правильно, головой надо думать... в 18 лет жениться...

Подхватив багаж и вспоминая общих знакомых, друзья направились к метро. Поезд с Комсомольской кольцевой с грохотом рванул вперед; понесся по чреде станций на север Москвы: Рижская, Алексеевская, ВДНХ... Из метро друзья пересели в трамвай, он, застучав колесами, тронулся вперед. В левом окне перед глазами Крайнова проплыла триумфальная громада главных ворот ВДНХ. Затем показались главные скульптурные герои советского соц-арта – Рабочий и Колхозница – они все еще держались вместе, упрямо противостоя новым героям эпохи 90-х: крепко сбитому, бритому наголо брутальному парню в малиновом пиджаке с золотыми пуговицами и тонконогой обесцвеченной стеклянноглазой блондинке в розовой мини-юбке. Рабочий и Колхозница поднимали вперед руки с серпом и молотом и искоса, осуждающе смотрели на Крайнова. Свернув направо, на Галушкина, и проехав с минуту, трамвай затормозил.

– Н-н-наша остановка, выходим, – сказал Денис. Пройдя в небольшой дворик десятиэтажного дома красного кирпича, друзья поднялись на лифте на пятый этаж.

– П-п-пару дней назад с дачи хозяин приехал, – сказал Столяров, открывая дверь. Тут же в прихожей оказался и хозяин квартиры, маленького роста мужчина, лет 30—40; брюнетистый, с бегающими глазами интеллигентного пьяницы и мелкого дебошира, в грязно-серых летних штанах и длинной, давно не стиранной нательной рубашке, из-под которой выглядывал волосатый мамончик.

– Аа, Денис, я – Серега, – брюнетистый хозяин быстро всунул маленькую сухую ладонь в руку Крайнову и тут же ловко исчез из прихожей.

Это была квартирка с двумя одинаковыми по метражу комнатами, небольшим коридорчиком, туалетом и ванной, шестиметровой кухонькой; в квартире были заметны следы ремонта: когда-то хорошего темно-зеленого ковролина, деревянных, лакированных межкомнатных, дверей, хороших обоев. В Денисовой комнате напротив окна стояла небольшая тахта.

– Р-р-располагайся, – кивнул в ее сторону Столяров. Напротив тахты, в противоположном углу стояла незаправленная одноместная кровать; рядом с кроватью шифоньер, в переднем углу, рядом с окном, стол с компьютером и двумя стульями. На стульях навалены столярские шмотки. Посреди комнаты прямо на ковролине в хаотичном, понятном только музыканту порядке, была нагромождена музыкальная аппаратура: усилители, синтезатор, микрофоны, по стенам комнаты – музыкальные колонки; между шифоньером и столом – куча мусора: бутылки из-под колы, пепси, минералки, сигаретные пачки Marlboro Lights, Kent, целлофановые пакеты, по комнате в разных углах были раскиданы журналы «Птуч» и ОМ. – Давно ж ты уборкой не занимался, – сказал Крайнов.

– З-з-завтра пионерка придет, приберется, – ответил Столяров. – Я сейчас на день рождения к приятелю еду. Хочешь, со мной п-п-поехали.

– Еду, в душ схожу.

– Оп-п-паздываем, – кивнул Денис, уходя на кухню.

– Жди, я быстро, – Крайнов достал полотенце из одной из сгруженных рядом с тахтой вещевых сумок, отправился в душ.

Поднявшись на эскалаторе метро Арбатской, друзья вышли в уже начавший вечереть август. Солнце заваливалось куда-то за Новый Арбат, за высотку гостиницы «Белград» и еще дальше на запад, за гостиницу «Украина». Позади остались книжные развалы и тренькавшие на гитарах уличные музыканты, от которых за версту разило дорогой; друзья прошли по подземному переходу, приближаясь к ресторану «Прага», снова спустились в подземный переход, поднялись со стороны Московского дома книги.

– П-п-пиздец, что с баксом происходит?! – выругался Столяров, показав глазами на обменник, у которого улыбчивая девушка в голубых джинсах меняла цифры.

Друзья шли по Новому Арабу, на противоположной стороне в вечеряющем блеске сияла мажорная «Метелица»; словно играя в пятнашки, легко и изящно покачиваясь, больше чем за сотню, в сторону Кутузовского по Новому Арбату пронесся мотояпонец; он был истинный москвич – легкий, быстрый, скоростной и наглый. Они подошли к высотке, рядом со «Спортбаром» стояли дорогие машины: купе и родстеры, вокруг крутились набриоленные молодые люди и длинноногие красавицы в коротких юбках.

У Дениса пискнул пейджер, он просмотрел сообщение, поднимаясь по лестнице, обернулся к Андрею: «Идем».

Крепкий охранник, напряженно думая, уставился на друзей и положительно среагировал только на денисовское «свои». Друзья прошли по первому этажу, через танцпол, в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Парни в блестящих брюках, женщины в легких радужных

платья вызывая танцевали, совершенно не стесняясь раннего вечера, незнакомых людей, собственных эксцентричных движений.

Друзья поднялись на второй этаж и направились в дальний конец зала, в ресторанный зону, где за одним из столиков сидели двое – парень и вихлястая рыжеволосая девица. Молодого, коротко стриженного под альтернативу голубоглазого, курносого парня Андрей узнал – это был Матвей Журавский, ведущий молодежной телепередачи «До 17 и старше». На столике стояла початая бутылка золотой текилы, несколько маленьких, тонюсеньких рюмок, бокалы для сока, пара блюдец с тонко нарезанным лимоном, кувшин с соком, солонка. Познакомились. Крашенная рыжеволосая девица улыбнулась Денису, не заметив Крайнова. Столяров достал из пакета пару DVD-дисков в подарок Журавскому: Reload, Metallica и Homogenik Byorke.

– Спасибо, Денис, за подарок. Скажи, как тебе понравилось, слушать можно, серьезные вещи? – спросил Журавский.

– М-м-metallica, рубит лавэ, скуксилась, а у Бьорк – альбом охуительный.

– Да все знают, какое время сейчас, бабки только и рубят, кому что еще нужно, – ответил Журавский. – Выпьем!

Он разлил по маленьким рюмкам текилу, резко запахло сивухой.

– Все знают и помнят, как пить текилу? Из мексиканских кактусов сделана, по голове бьет, мама не горюй! – Журавский глянул на Крайнова. – Смотри, сыпем соль на руку, слизываем, выпиваем и закусываем лимоном.

Все, включая рыжеволосую девицу, выпили. Повторили.

– В швейцарских барах после шестой текилу б-б-бесплатно наливают, – к чему-то сказал Столяров. Выпив еще по одной, все за столом как-то оживились...

– ...Лучшие камеры и зарплаты на НТВ, у меня жена второй год на канале вкалывает как рабыня, но ей башляют. Сейчас в командировке в Хорватии, Гусинский в своих вкладывает, не то что на Первом, мы никому не нужны! В это время к их столику подошла улыбающаяся официантка, Матвей занялся ей.

«Интересно, а кто ему рыжеволосая?» – подумал Крайнов.

– Л-л-любовница, – как будто поняв, о чем думает друг, негромко сказал Столяров. – Но ненадолго, бросит.

– Почему?

– Жадный. И д-д-денег нет. С-с-смотри... – Денис насмешливо махнул рукой в сторону Журавского, который с пафосным видом что-то объяснял молоденькой официантке.

– Денис, скажи, что там, Багровская придет? – спросил Журавский, поговорив с официанткой.

– Д-д-да, написала на пейджер, что подъезжает... – ответил Столяров. – А вон и Юлька...

Крайнов оглянулся. К ним подошла высокая, худенькая девушка. У нее были темные энергические глаза, темно-каштанового цвета волосы, уложенные в каре, чуть вздернутый, острый носик. На ней была кремового цвета летняя юбка, легонькая темная блузка. Столярова она как бы не заметила, он сам притянул ее к себе за руку, чмокнув в щеку.

«Ноги красивые... и в Нске, и здесь красивые женщины вокруг Дениса... богема...», – подумалось Крайнову.

– Я узнала, что Игорь Сорев только что разбился – выкинулся с шестого этажа своей квартиры на Тверском, и сейчас в реанимации, – сказала Багровская.

– Я услышала в новостях, по «Русскому радио», – добавила она.

– Вот так день рождения у тебя, Журавский, то бакс прыгает, то Сорев разбивается, – фыркнула рыжеволосая.

– И не говори... Сам не ожидал такого от своего рождения, событие одно другого круче... Ты что будешь пить, Юль? – спросил Журавский, повернувшись к ней.

– Я, пиво.

Официантка принесла, жареную картошку, пиво, мясо по-французски. Под мясо выпили. На первом этаже мелодичные, танцевальные переливы сменил энергичный рейв. Крайнов поймал на себе взгляд Багровской, она, не стесняясь, внимательно, изучающе рассматривала Андрея.

«А она интересная...», – снова закрутилось в пьянеющей голове Андрея.

– Расскажи, как тебе здесь, в Москве? Замечаешь отличия с Новосибирском? Надолго к нам? – Крайнов как будто бы издали услышал вопрос Журавского.

– Посмотрю, как получится...

Выпили, потом еще по одной. Андрей вслушивался в новый разговор компании. Говорили в основном Матвей и рыжеволосая. Они заспорили о российской музыке.

– Да что ты мне говоришь про наш рок, перестань, дорогая! Все, что осталось, это «Сплин» и «Мумий тролль», да попсовый Дельфин, – перекрикивал рейв Журавский. – Говорю же я тебе, остальной русский рок – старье, помойка, совок. Да и Лагутенко по большому счету попса. Денис, что скажешь?

Денис в ответ хохотнул:

– С-с-сейчас диджей Грув, диджей Фонарь – вот кто рулит. Лагутенко крут, а из попсы был талантливый проект – «И-и-иванушки», да не стало, Сорева шоу-бизнес с-с-созрел!

Крайнов опьянел, его подташнивало. И тут же Журавский разлил еще по одной, отказаться показалось слабостью, Андрей выпил, и организм принял мексиканскую сивуху, тошнота прошла.

Столяров, заметив самочувствие Андрея, двинулся из бара на воздух, Крайнов протянул руку Журавскому, тот продолжал что-то доказывать рыжеволосой. Внезапно Крайнову как день стало ясно, что Журавскому нравится Багровская. Крайнов еще раз глянул на нее, поймав

на себе ее внимательный взгляд, кивнул всем и, чуть пошатываясь, направился за Столяровым; вышли на уже поночевший Новый Арбат.

– В-в-вот она, Москва, Андрюха, – хавай ее! – пафосно, по-нски сказал Денис. Они спустились по лестнице на бульвар Нового Арбата.

Денис закурил.

– Как ты с ней познакомился? – спросил Крайнов, кивнув в сторону «Спорт-бара».

– Н-н-не я, Журавский, на тусовке у каких-то банкиров ее склеил. Юлька Плешку закончила, работает в банке, голубая московская кровь, в шикарной квартире на Проспекте Мира с матерью живет. С-с-своя квартира в Марьиной Роще; не то, что я, сибирский лошок, – разоткровенничался Денис.

– Нравится она тебе?

Денис, помолчав, ответил:

– М-м-москвички не такие душевные, как наши девчонки, но москвичка достанет твое сердце из груди и его в мясорубке на ф-ф-фарш перекрутит... Я тебя на тачку посажу, по Москве п-п-прокатисься.

Денис отцепил второй ключ с магнитиком от подъездной двери от колечка и протянул Андрею:

– Н-н-на хозяина внимания не обращай, он, может быть, уже бухой, но в принципе мирный, только среди ночи курить или бабок стреляет. Д-д-денег не давай, не вернет. Мы поедем в клубешник, еще потусуемся.

– Когда тебя ждать?

– З-з-завтра, я после клуба к Юльке поеду. А у тебя какие планы?

– Созвонюсь с парнем, в универе учились вместе, сейчас с ним в одной фирме работаем, по работе поговорим.

– О'кей, я завтра к вечеру в-в-вернусь, – ответил Денис.

Таксист, проехав по Садовому, мчался по Проспекту Мира, в сторону ВДНХ. Количество неона и электричества, громадные размеры города, домов, шикарные европейские и японские машины, москвичи с их отношениями и интересами ослепляли и будоражили одновременно. Пьяный непонятным, нерусским, кактусовым хмелем Крайнов почувствовал, что влюбился в Москву в первый же день своего приезда – в понедельник, 17 августа 1998 года.

Приоткрывшись, скрипнула комнатная дверь, в дверном проеме показалась небритая, растрепанная физия хозяина квартиры, Сереги.

– Денис, Андрюха, к вам гостя! Я ее оставил в прихожей. Просыпайтесь!

Андрей встрепенулся и, соскочив с тахты, стал одеваться; сколько он проспал и сколько сейчас времени, совершенно не понятно, Дениса не было, а Серегина довольная физия все не исчезала.

– Ну так я скажу ей, чтоб проходила? Симпатичная, – сочным полусшепотом добавил он.

– Привет, меня Рита зовут, – представилась худенькая миловидная девушка лет семнадцати. – Я помогаю Денису убираться, иногда в гости к нему прихожу. Она стеснительно пожала своими девичьими плечиками, светло посмотрев на Андрея.

«Юная поклонница таланта, что ли? А да, пионерка, он что-то вчера говорил», – вспомнил Крайнов.

– Проходи, – сказал он, кивнув головой. Он сложил постельное белье на край тахты и пошел умыться в ванную. Голова, как ни странно, после вчерашней мексиканской сивухи была ясной. Умывшись, вернулся в комнату, наблюдал за девушкой, наводившей порядок в столлярском бардаке. Она сложила постельное белье и шмотки, взялась за целлофановые пакеты с мусором, пустые бутылки и пепельницы с окурками, в руках появился веник, совок. У нее был

типичный, свойственный москвичкам, вздернутый аккуратный носик, маленький рот, полные, красивые, бантиком губки, серые, глаза; собирая пакеты, она поглядывала на Андрея.

– А ты в гости приехал к Денису, ты тоже музыкант? Из Рязани?

– Не совсем музыкант. А почему из Рязани? – удивленно спросил Андрей.

– Денис же из Рязани.

– А-а, вот как, да. Не, я не из Рязани, я из Сибири, из Новосибирска, – добавил Крайнов.

– Ну, это же где-то рядом. Включи музыку, – попросила она,

– Что любишь слушать?

– Что угодно, только не радио. Что у Дениса есть интересного?

Крайнов включил диск Mercury Falling, из басовитых дорогих колонок зазвучали мелодичные, успокаивающие переливы Стинга. Она закончила уборку, поправила волосы, мило пыхнув на челку, спросила:

– Я принесла печенье, в прихожей пакет оставила, в упаковке, вкусные. Согреть чай? Принесу?

– Да, конечно, – ответил Крайнов.

...Они лежали на тахте, он на боку, подставив под голову локоть, смотрел на ее юное, худенькое, совсем белое, без капли загара девичье тело. Она, заметив Андреев внимательный взгляд, присела и выудила из страстно-скомканной кучи белья свои трусики, юбку, блузку, принялась одеваться.

– Так ты закончила 10 классов, а тебе 17?

– Да, я оставалась на второй год в пятом классе, сильно болела.

– А куда после школы пойдешь?

– Еще не решила..., в техникум или институт.

– На кого будешь учиться?

– У меня шить хорошо, получается, – сказала она, одеваясь. – Мне пора, я пойду, Денису привет.

– Хрен знает, что сейчас творится в России, Андрюха! А особенно в Москве! Бакс за три дня вырос в цене в два раза! И еще будет расти, точно тебе говорю! Ты же видишь по тиви, как у Кириенки очки запотевают! Если много деревянных – меняй!

– Надо бы, да. Я на пару дней подзабил на все, вчера со своим школьным другом текилу пил...

Илья Савинов присвистнул. Это был высоченный, представительный, с аккуратной русской бородкой сибиряк, так же, как и Крайнов, закончивший экономический факультет Новосибирского универа, поступивший на пару лет раньше Крайнова; в Москву переехал в 96-м году, доучивался в Нске наездами. Он работал в центральном офисе той же фирмы, куда в отдел маркетинга в Москву перевелся Крайнов. Савинов был тертым жизнью мужиком, приехавшим в Нск в 16 лет из глухой таежной деревни, с ходу поступив в универ, был одним из лучших, не только на курсе, но и на факультете. Выучил английский и свободно говорил на нем. Нская профессура на него не нарадовалась, но он рано женился, завел двоих сыновей-погодок, а сейчас жена была на сносях и ждали третьего; научная карьера Савинова с третьего курса была заброшена, он обеспечивал семью. Но Илья нисколько не выглядел испугавшимся кризиса. Наоборот, он получил от него тонус, глаза его горели новым блеском.

– Ты понимаешь?! Сейчас все пойдет по-новому в России, сначала 96-й год – «Голосуй, или проиграешь», и у нас тут, в Москве, была сладкая жизнь, деньги рекой, а сейчас и власть будет другая, и этот кризис – он круче и важнее 93-го. Это эко-но-ми-ка! Теперь и Боря Энержайзер долго не протянет, через годок закатают!

– Слушай, – в ответ спросил Крайнов. – А ты со своей семьей, – он кивнул в сторону кухни, где раздавались шкворчение кастрюль и стук тарелок, которыми руководила ильевская жена. – Не боишься? Зарплату порежут?

– Ха-ха, – захохотал Илья, – да скорей всего! Порежут, и квартплата вырастет! Мы ж в Москве в баксах за жилье платим!

– Что будешь делать?

– Ничего, старик! У меня всегда есть место для отступления, – смеялся Илья. – Уеду в тайгу, в свою деревню.

– А жена?

– А что жена, жена – учительница начальных классов! Вот уж кто без работы в деревне не останется! Да все в порядке, старик! Кризис очищает! И экономику, и людей! И страну. Вот тебе будет сложнее, маркетинг точно порежут. Должность сократят. Но ничего, что-нибудь придумаем! А сейчас пойдем, посмотрим, что жена приготовила, выпьем водки за встречу.

– Давай, Илюх, но без фанатизма.

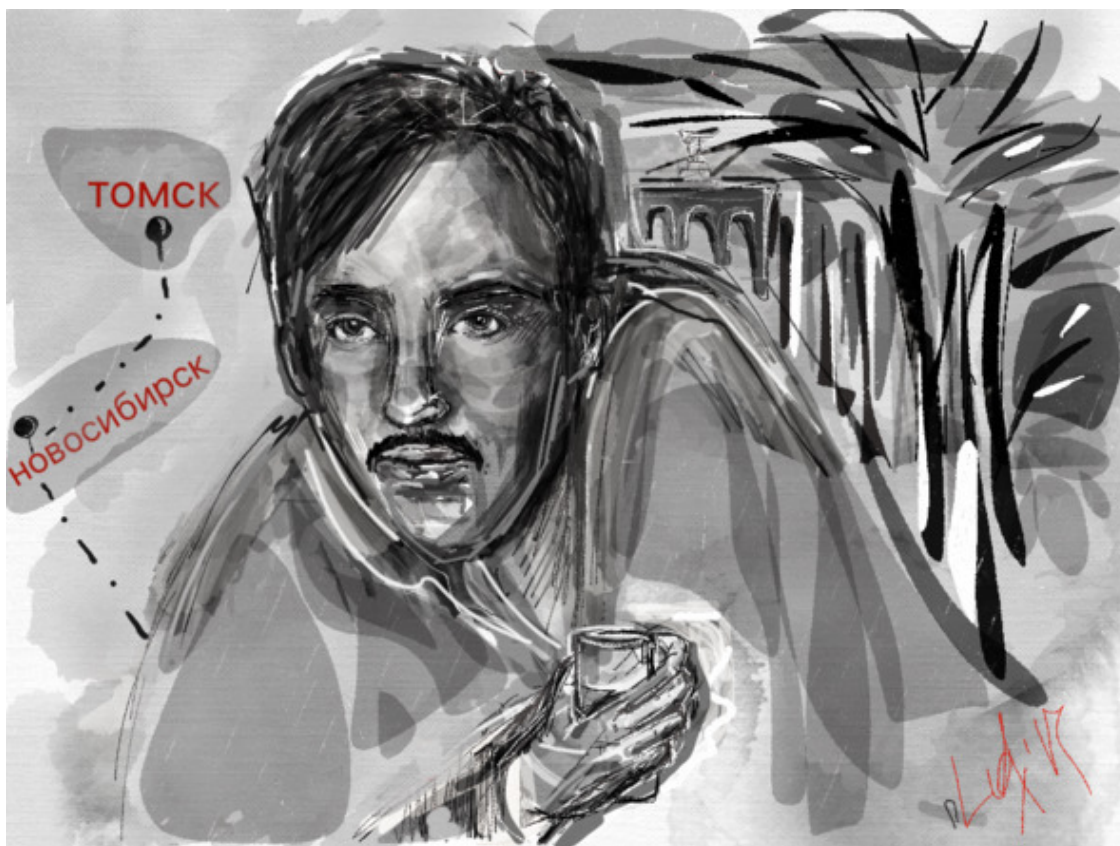
– Пара бутылок, не больше. Какой там фанатизм...

Савинов оказался прав, должность в отделе маркетинга, которой добивался Крайнов, сократили. Но он помог Андрею с работой, устроив его помощником финансового директора в автоцентр «ВАЗ-Авто». На волне кризиса даже в Москве упали продажи бюджетных иномарок, продажи русских «девяток» и «десяток», напротив, выросли, и ни безалаберность сборки на заводе, ни рекламно-маркетинговые махинации вазовских автодилеров в кризис не отпугивали покупателей. Это была не совсем та работа, на которую рассчитывал Крайнов, но кризис 98-го года, драйв от московской жизни увлекли его и затянули в Москву.

Глава 2. Знакомство

– Держала сыр ворона в пасти, а ворон умирал от страсти! Рекламная служба «Русского радио»! – голосом хохмача и радиоведущего Фоменкова кричали колонки из торговых палаток; выйдя из их рядов, Крайнов вместе с потоками туристов и отдыхающих направился в сторону главных ворот ВДНХ. Решив вопрос с московской работой, он снял комнату на юге столицы, еще не переехав в нее, собрался, наконец, посмотреть одну из главных московских туристических достопримечательностей. Родной Новосибирск, выросший в миллионник в советскую эпоху 20-го века, был размашистым городом, с большими проспектами и домами. Но храмовые красавцы-павильоны, золотые скульптуры фонтана Дружбы народов, впечатляли и завораживали. Московское ВДНХ и в российские 90-е оставалось любимым туристическим местом, где умершая советская эпоха поклонения будущему, уступила склочной, базарной России, закидавшей шмотьем архитектурных советских монстров.

За павильоном «Карелия» Крайнов свернул в заброшенную, обросшую липами аллею; пройдя пару десятков метров, он заметил, как сбоку от дорожки, на одной из освещаемых августовским солнцем прогалин, двое парней, примерно его возраста устроили небольшой пикник с бутылкой шампанского, шоколада, каких-то фруктов. Один из них, высокого роста, худой, темно-русый, с щегольскими усиками а-ля рус, улыбался, показывая большие и кривые, как не из его челюсти, а какого-то большего существа, зубы, насмешливыми карими глазами смотрел на Андрея.

– Подскажи, сколько время? – спросил он.
Андрей глянул на наручные часы: – Пять минут третьего.

– Час спокойно есть, – сказал темно-русый своему товарищу, такому же худощавому, но пониже ростом, размеренного склада движений голубоглазому блондину. Крайнов на мгновение задержался взглядом на бутылке с шампанским. Кареглазый, поймав Андреев взгляд, улыбнулся, словно почувствовав желание Крайнова побыть в компании, махнул рукой в сторону шампанского: – Присоединяйся.

Андрей, шагнул на полянку.

– Владимир, – протянул темно-русый маленькую ладонь.

– Роман, Никитюк Роман, – уже протягивал свою руку блондин.

– Да у меня нет ничего к столу...

– Зато у нас есть! – сказал Владимир, доставая пластмассовый стаканчик из целлофанового черно-белого пакета, на котором была изображена жеманная дама с томными глазами, в шляпе.

– По какому случаю шампанское? – взяв в руки стаканчик и подставляя его под вино, которое взялся разливать Роман, спросил Крайнов.

– Обмываем удачные переговоры с моим будущим шефом, – ответил Владимир. Крайнов вопросительно посмотрел на него.

– Я осенью поступаю в аспирантуру здесь, в Москве.

– Понятно, а вы откуда?

– Мы из Томска, – впервые заговорил Роман. У него был размеренный и неспешный, глубокий баритон, который часто встречается у худощавых людей с крупными чертами лица.

– Я в этом году закончил исторический, Володя – социологический.

– Это молодой факультет, в Томском универе, первый выпуск, – сказал Владимир.

– Так мы почти земляки! Я из Нска. Завтра в Москве первый день на работу выхожу, – обрадовавшись как своим, ответил Крайнов. – Поздравляю тебя, Владимир!

Тот довольно улыбнувшись, кивнул другу, Роман достал из пакета бутылку дешевого российского коньяка.

– О, надо же, хорошо подготовились! – усмехнулся Крайнов.

– Да, что от этой шипучки толку... Открыв бутылку, Роман разлил по стаканчикам буроватую, пахнущую затхлым, крепким алкоголем жидкость.

– Давайте за знакомство, – сказал Владимир, и не дожидаясь никого, не чокаясь, выпил. Выпив потянулись за шоколадом и фруктами.

– Ндаа, наш коньяк..., – морщась и кривя глаза на бутылку, пробормотал Роман.

– Ну, наливай тогда, за то, чтобы через три года пить французский.

Роман снова разлил по стаканчикам, выпив, достал из кармана летних брюк пачку сигарет «Голуас», вытащил сигарету, предложил закурить.

– Бросил, – сказал Крайнов. Владимир достал сигарету, прикурив и затянувшись, прищурился, глянул на Крайнова: – Ты надолго в Москву?

– Посмотрю, как пойдет с работой, но собираюсь здесь начать, да.

– В России только в Москве можно чего-то добиться, – ответил Владимир.

– У себя всегда успеем, да..., – согласился Крайнов.

В полчаса они допили оставшийся коньяк.

– Володя, нам пора, – засобирався Роман. – Еще сумки из камеры хранения забирать...

– Я в кусты по малой схожу, – ответил Владимир.

– Да и я...

Втроем они зашли за куст, синхронно долго и молча мочились...

– Как приедешь поступать в аспирантуру, звони, – сказал, застегивая ширинку, Крайнов.

– Позвоню, договорились! Как твоя фамилия, Андрей?

– Крайнов. А твоя?

– Золотарев, Владимир Золотарев.

Глава 3. Юля

Багровская вместе с подругой, блеклой фиолетововолосой девушкой в модных здоровенных ботинках-гриндерс, сидели в студии ряда на три впереди Крайнова; ведущий тиви-шоу – высокий, представительный мужчина средних лет, в очках на крупном мясистом носу, выслушав последние реплики участников, взялся за заключительное слово.

– Нам, участникам сегодняшнего тиви-шоу, нашим телезрителям, важно, и жителям России небезразлично, как новое правительство во главе с Примаковым будет выводить страну из кризиса, как после дефолта будет развиваться российская экономика, как будут выплачиваться пенсии и социальные пособия гражданам России, будут ли возвращены вклады наших граждан. А сейчас большое спасибо всем пришедшим сегодня в студию, и будем надеяться, что наша страна, наши граждане в очередной раз преодолеют экономический кризис и с новыми силами двинутся дальше. Спасибо!

Присутствующие захлопали, под звук НТВ-заставки Крайнов двинулся в сторону сигналившего ему Журавского и стоявших рядом с ним Багровской с подругой.

– Приветствую, пожалуйста, девушки, знакомьтесь, юноши, знакомьтесь. Вот вам Андрей Крайнов, блестящий знаток автомобилей, сейчас занимается их продажей, как задумаете покупать машину..., – заговорил Журавский.

– Мы знакомы, – перебил Журавского Крайнов. Багровская, улыбнувшись, ответила кивком.

– Пойдемте же, по такому случаю выпьем кофе, – предложил Журавский.

Они оказались в тесном останкинском кафетерии, где ушлый Журавский добыл столик и пластмассовые стульчики.

– Как вам ток-шоу?! Зюганский хорош, вот это я понимаю, политик, режет правду-матку! Вот была бы красота, их с Жириком свести!

Багровская фыркнула:

– Это разве политики? По-моему, единственная нормальная из всех, кто выступал – это девочка из Дубны, – ответила Багровская. – Остальные – самовлюбленные мудаки.

– Да, да, дорогая Юлечка, ты, конечно же, права! – захохотал Журавский. – Выходит, политики – это пафосные интеллектуальные девицы из аудитории, в мооодных очочках..., – заговорил он дискантом, повторяя голос выступавшей студентки из Дубны.

– Слушай, кончай нести чушь! – оборвала его Багровская.

Тот осекся и внезапно спросил:

– А что, я слышал, ты рассталась с Денисом?

– Да пошел он, ваш Денис...

Из Останкино вышли втроем, Журавский по каким-то внезапным делам остался внутри гигантского тиви-чрева, отправив всю компанию в сторону электрички, на Ленинградский вокзал. Оказавшись на вокзале, Багровская предложила прогуляться до Чистых прудов. Ее подруга с фиолетовыми волосами, отказавшись, уехала на метро.

Крайнов с Багровской шли вдвоем по проспекту Сахарова в сторону лукойловской высотки на Чистых прудах, молчали. Крайнов поглядывал на нее, она нервно покусывала губы, потом спросила:

– А ты как оказался на ток-шоу?

– Мы с Журавским общаемся, раньше через Дениса, последнее время напрямую. Он приезжал как-то к нам в автоцентр машину смотреть, поговорили, он рассказал, что есть возможность сходить на ток-шоу. Вчера позвонил, я пошел, да.

– Интересуешься политикой?

– Сейчас, сама видишь, время такое, куда без неё.

– Интересно, – ответила она, думая о чем-то другом.

– А ты, Юля, как пришла на ток-шоу?

– Меня, как и тебя, Журавский позвал. После того, как в СБС-Агро сократили, пока в поиске работы. Пошла с подружкой время провести.

Андрей улыбнулся.

– Какое-то у тебя сегодня критическое настроение, всем от тебя попало!

– Проводи меня до дома, – вместо ответа сказала Багровская.

Глава 4. Предложение

Столяров, расставшись с Багровской, съехал с ее квартиры в Марьиной роще к московскому приятелю на Щукинскую. После того, как Андрей устроился на работу, друзья не виделись больше месяца, договорились встретиться сегодня.

Крайнов, добираясь до Дениса, вспомнил историю, что случилась в Новосибирске, когда Столяров, уехав в Москву, бросил Риту Зданович, влюбленную в него пианистку, студентку новосибирской консерватории. Андрей был знаком с Ритой, и за несколько недель до призыва в армию позвонил ей. Они стали встречаться. Сначала между ними был Денис, которого они вспоминали, а потом, когда весна уже убегала в июнь, они, оставаясь вдвоем, гуляли и целовались на набережной Оби. Светлая, лёгонькая, как голубиное перышко, Зданович льнула к нему, Андрей нюхал ее мокрые после дождя волосы, прижимал ее покорные плечи, перебирал ее тонкие пальчики. Они молчали, глядя в чарующую зелень сибирской реки, покачивающей свои покойные воды; а потом зеленовато-мутные Ритины глаза смотрели сквозь Андрея, какая-то девичья покорная грусть была в них; Крайнов целовал и не чувствовал ее. А она была как будто с ним и не с ним, где-то в своем мире музыки и звуков, где-то в своем далеком, брошенном ее любимым человеком мире, где она ждала и искала его... и это был не Крайнов. «Зачем мучить ее и себя, ведь они музыканты и созданы друг для друга», – думал он, прижимая ее к себе. И так они гуляли по городу, по набережной ночами, которые так и остались между ними июньскими дождевыми поцелуями.

Мужской баритон объявил Щукинскую. Крайнов вышел из метро, пересел в автобус и, переехав через Строгинский мост, вышел на Таллинской. Минут через десять он нашел нужный ему 22-этажный новый дом. Дверь открыл Столяров. Накинув на свою худую длинную фигуру пододеяльник, он стоял в проеме двери, протерев глаза, пустил друга в квартиру.

– Ко мне в комнату п-п-пойдем.

Столяров как-то всегда умел заселяться к друзьям и приятелям сразу и надолго. Так было и в Новосибирске, и в Москве. Он приносил в дом свою шалопаистую, музыкально-неряшливую, богемную атмосферу: быстро закидывал свое обиталище шмотками, устраивал беспорядок в вещах и образе жизни своих приятелей и друзей, путая день с ночью, пока, наконец, получив деньги, не переселялся в съёмное жилье или, лишившись денег, к очередной, влюбленной в его романтический, музыкально-богемный образ жизни, девочке, от которой через месяц-другой съезжал, снова запуская свой круг вещей и переездов.

– У тебя, Денис, ничего не меняется. Держи, – Крайнов передал другу обещанный по телефону целлофановый пакет с «Кока-колой» и сигаретами. Столяров, сидя на незаправленной постели, сбросил с себя пододеяльник, достал бутылку и долго, вздохнул, пил черную газированную воду.

– Я т-т-только проснулся. Умоюсь, п-п-поедим, хочу жрать.

Они прошли на кухню.

– Э-э-электроплита крутая, смотри, – Столяров показал на Electrolux, поставил на нее кастрюлю с водой. Достал пачкупельменей «Радио» из холодильника. – П-п-пока вари, – отправился в ванную.

Через полчаса они ели пельмени, политые майонезом «Провансаль», запивали колой.

– Я-я-я тут, как от Юльки ушел, – заговорил Денис, утолив первый аппетит. – П-п-посетился у товарища, решил спортом заняться. Тут до Москвы-реки по тропинке пять минут легким бегом! З-з-заодно, думаю, курить брошу, как раз деньги кончились. Д-д-день не курил, взял у Юрки штаны спортивные, побежал до речки...

– И как?

– С-с-сразу сдох, – засмеялся и тут же закашлялся, закуривая сигарету, Денис. – Еле добежал до дома, н-н-нашел у Юрки пачку «Беломора» под травку, беломорину выкурил! К-к-кайф больше чем с девочкой!

Крайнов хмыкнул.

– Д-д-да, Андрюха, тысячу рублей на время п-п-перекинь, – попросил Столяров. – Р-р-работодатели м-м-мои об-б-безжирели!

– А ты сейчас с кем работаешь? – спросил Крайнов, доставая деньги.

– А-а-аранжировщиком к Ирине Аллегровской п-п-приглашают, буду пробоваться.

– А это что, круто, да?

– Т-т-ты что?! – изумился Денис. – Конечно! В России ее любят. Д-д-да и она баба такая, м-м-музыкантов уважает.

– А этот парень, Юра, хозяин квартиры, он чем занимается?

– Б-б-бабки до кризиса на телефонах сделал. Э-э-электронную начинку в Китае покупал, и трубки собирал, «Панасоники», п-п-прикинь! И продавал в Лужниках, на рынке. Н-н-на телефонах эту квартиру купил.

– Он москвич?

– Т-т-тюменский, но в Москве давно живет.

– Понятно. Слушай, я с Багровской стал встречаться.

– А-а! – усмехнулся Денис, пристально смотря на друга. – О-о-она клевая девка... Т-т-ты как, спал с ней?

– Да.

– Н-н-ну, что... Юлька симпатичная и с мозгами, но нервная... С ней сложно. Г-г-готовить она особо не умеет, будешь сам себе пельмени варить и носки стирать.

– Да не в этом дело...

– К-к-как сказать...

– Мне казалось, что она, – немного замялся Крайнов. – Влюблена в тебя.

– Д-д-да ты что? – снова засмеялся Денис. – Я же раздолбай! Н-н-никакого ей внимания. З-з-знаешь же, как я: днем сплю, ночами работаю. А она уже взрослая, ей хочется уюта, внимания. А я ей м-м-мороженое раз в неделю куплю, если не забуду, вот и все внимание. О-о-она, – Денис щелкнул пальцами. – М-м-мне и стала скандалы закатывать. П-п-пока некуда было свалить, п-п-приходилось терпеть. А как с приятелем договорился на пожить у него, так я от Юльки ушел. А-а-а ты сам решай... Ты только будь готов... с-с-соответствовать.

– Чему?

– Н-н-ну, сейчас скоро 21 век, д-д-да и среди москвичей нормальных парней не найдешь, а если есть нормальные, то уже заняты, н-н-но она-то москвичка! Д-д-дочка профессоров и внучка профессоров, и какой-то там прапрадедушка дворянин, хрен знает какой. К-к-короче, голубая московская кровь, а ты, Андрюха, нахаловский пацан. П-п-понимаешь, о чем я?

– Не совсем, но примерно, – ответил Крайнов.

Денис засмеялся: – Т-т-ты никогда не станешь своим для москвичей, которые тут десять хрен с чем-то поколений п-п-прожили, царей в университетах учили и с дедушкой Лениным за одним столом пиво бухали! П-п-понимаешь?

Денис остро, в глаза, глянул своему другу.

– Т-т-ты всего лишь свежая кровь, у тебя мозги и член на месте. Ц-ц-цепляйся. Т-т-только лет через двадцать, когда будешь серьезным дядей, с-с-своего корефана, земляка и раздолбая по жизни, не забудь! – смеялся, а сам как-то несмешливым долгим взглядом смотрел на Андрея Столяров.

– Ты что, перестань, Денис.

Столяров переключился: – М-м-меня Ритка Зданович любила. Зря я ее бросил, безба-
шенная девка, з-з-за меня в огонь и воду готова была пойти. Д-д-да и мне, по-хорошему,
в Новосибе надо было в консу¹ поступать...

– Так еще не поздно.

– Я уже к Москве привык. З-з-здесь в кайф, Юра тачку с-с-собрался продавать. В сен-
тябре к-к-куплю. К-к-как Дмитрий Валерьянович вернется, бабло появится.

– А какая машина?

– «А-а-ауди 100» 1987 года, т-т-турбированная, за две штуки баксов отдает.

– Это лучше, чем наше барахло, да. Но турбированную не бери, масло как бензин будет
жрать. С нашим палевым бензином лучше атмосферник возьми.

– Х-х-хрен с ним, с маслом, клевая тачка! Ч-ч-чай будешь?

– Поеду, Денис, пора.

Наступил декабрь. Крайнов, несколько месяцев отработав в «Лада-Авто» нашел новую
работу – промышленным аналитиком на интернет-портале РБСи.ру. Эта работа была тем
делом, которое искал Андрей, – он готовил аналитические справки, обзоры о состоянии
отечественной и зарубежной промышленности, которые публиковались в интернете. Вместе
с Андреем работали молодые, умные ребята, успевшие потрудиться кто в российских банках,
кто в брокерских конторах, они налаживали российскую интернет-отрасль, капитализировали
ее, превращая в твердую и конвертируемую российскими банками зарплату.

Крайнов встречался с Багровской; она устроилась в только что открывшееся в Москве
иностранное представительство крупной американской ИТ-компании. Получая зарплату раза
в два больше, чем Андрей, она одобрила его переход на работу в РБСи, согласившись с ним,
что за интернетом будущее.

– Конечно, Андрей, я, скорее всего, так и буду сидеть у своих американцев, а ты двигайся,
само ведь ничего в Москве в руки не идет, – говорила Багровская.

Сегодня, в среду, 17 декабря, Юля ждала Крайнова у себя на день рождения. Андрей
купил цветы, пять красных роз, которые неумело держал в левой руке. В правой был подарок,
упакованный в большую праздничную коробку. Он позвонил в ее дверь.

– Заходи!

Глаза Юли светились от счастья. Она выглядела великолепно. На ней было черное кок-
тейльное платье, которое открывало ее длинные красивые ноги, открытые туфли на каблучке.
Черные чулки ласково облегли бедра. Каштановые волосы были уложены в каре, открывая
аккуратные уши с золотыми сережками с бордово-красными драгоценными камнями. В ее
маленькой уютной двухкомнатной квартирке было совсем темно, только неярко горели свечи
и приятно пахло индийскими благовониями.

– Юля, а где же гости? Ты что, одна, да?

– Андрей, сегодня ты мой гость!

– А как же твой день рождения, брызги шампанского, куча поздравлений, веселье и танцы
до утра? Ты же сама говорила, что хочешь большого светлого праздника, и чтобы были все
твои близкие люди и друзья.

– Андрей, ты мои близкие люди и друзья! А шампанское ты сейчас откроешь! И будут
брызги! – Багровская была сама не своя, ее глаза как будто горели от счастья. – Я очень ждала
этот день и очень ждала тебя! О, какие розы! Спасибо тебе!

Юля сначала понюхала их, а потом приложила к своей красивой шее.

¹ Конса – Консерватория

– Эти цветы мне очень идут! Посмотри! – Она повернула голову в профиль, выставив вперед левое ухо, утопила подбородок в розах так, что один из бутонов оказался рядом с сережкой.

– Это рубины! Мне их подарил дедушка. Он любил меня. Это был его последний подарок. Он умер от рака, – сказала она.

– Какие красивые камни! – Андрей, сняв куртку, красноватыми, озябшими руками обхватил Юлю за талию, приблизил к себе. Он прикоснулся к ее шее и потянул к себе, хотел поцеловать, и онадохнула жаром ему навстречу, но свободной рукой резко оттолкнула его от себя.

– Стоп! Андрей! Я хочу подарок! Ты еще не заслужил поцелуев!

Они засмеялись.

– Ты же любишь кофе, а это хорошая кофе-машина, – Андрей показал на упаковку.

– Открывай и заводи ее, я хочу кофе! Нет, ну его, твой кофе, я хочу шампанское! Кофе ты сварешь мне утром! А сейчас я хочу вина!

Обнявшись, они лежали в ее кровати, было совсем темно, ночь. Они лежали и не могли и не хотели спать, они слушали молчание друг друга и совсем ни о чем не думали.

– Скажи, а почему ты выбрала меня? Ведь у меня ни квартиры, ни машины, когда я соберу денег на собственную квартиру – неизвестно. Вот про тебя я могу сказать: ты красивая, ты умница, с тобой легко, а я...

Она подняла голову с его плеча, заглянула ему в глаза:

– Дурак ты.

Он засмеялся в ответ.

– Нет, но все же, Юль!

– Ты думаешь, женщины выбирают за кошелек или внешность? Нет, ну, конечно, хорошо, если парень симпатичный, светленький там, или темненький, ну и чтобы он себя мог обеспечивать, мы же среди денег живем. А важно внимание и надежность! Вот что важно! А самое главное, самое важное, – она как-то вся всей своей легкой, грациозной, тоненькой фигуркой вдруг собралась, как будто сейчас оторвется от кровати и взлетит. – Чтобы мужчина затягивал! Вот так, когда прямо почувствуешь на себе твой взгляд и понимаешь, что ты затягиваешь меня в себя, и тогда я понимаю, что это тот мужчина, которого я жду и ищу. И так вот каждый день, я говорю с тобой, встречаюсь, а ты все больше меня забираешь, и ты каждый день тот, которого я ожидаю, и каждый день новый! И я каждый день открываю тебя для себя, и вот тогда-то я понимаю: да, я твоя! И тогда-то я выбираю тебя! Вот что-то есть в тебе, Андрей, ты какой-то интересный и загадочный немножко. А сейчас мне знаешь, что захотелось?

Андрей, в задумчивости слушая ее, очнулся.

– Да, Юля, что?

– Я хочу покурить сигарет!

– Ты же не куришь!

– Ну и что, а сейчас я хочу покурить. У тебя есть?

– Нет, я давно бросил. Давай я схожу куплю...

Он уже был одет и стоял в дверях, а Юля, совершенно голая, высокая, стройная, как лань, отчаянно красивая, стояла перед ним. А Крайнов смотрел и смотрел на нее, смотрел и не мог насмотреться. А она стояла и смотрела на него.

– Юля, Юля, ты знаешь что, Юля... будь моей женой!

Она вся вспыхнула от его слов, а он схватил ее и изо всех сил прижал к себе.

– Беги за сигаретами, дурачок, я согласна!

Глава 5. Карниз

Крайнов с Золотаревым сидели в Макдональдсе на Пушкинской друг против друга, доедая картофель фри и бутерброды. Десятки людей, счастливых от встречи с американским фастфудом, в поисках свободных столиков кружили по ресторану.

Поев Крайнов, не спеша потягивал «Кока-колу» через трубочку, Золотарев, сняв пластмассовую крышку, пил черную газированную воду из стаканчика.

– Как тебе Москва, Владимир? – спросил Крайнов.

– Как сказать, привыкаю помаленьку. Ритм города совсем другой. Первое время не понимал, что вокруг меня происходит. В Томске все по-другому.

Все тихо и размеренно. Здесь, успеваешь сделать то же, что и там, у себя, – Золотарев неопределенно махнул головой. – Но в какой-то суете. Все куда-то бегут с безумными лицами, а погода...

Золотарев глянул в огромное, витражное стекло американского ресторана, за которым набухала, набирала силу слякотная московская зима.

– Солнца не видно. Вроде и морозов нет, а ветер дунет, продрогнешь почище чем у нас в Сибири. И посмотри на народ, зима, а никто не носит шапки, – не стесняясь, открывая большие зубы усмехнулся он, показывая маленькой ладонью на искривленные холодной изморозью московские лица, бегущих по Пушкинской площади людей. – Главное в аспирантуру поступил и в общагу заселился, теперь буду дальше смотреть.

– Но в целом, – он на секунду задумался, что сказать. – Это мой город, мне здесь нравится, – усмехнулся он. – А ты как?

– Я недавно работу поменял, перешел в интернет-компанию, РБСИ, слышал такую? – Андрей посмотрел на Золотарева. Тот отрицательно мотнул головой. – Пишу аналитические справки по региональной российской экономике. В РБСИ все по-другому, молодые грамотные ребята, от них получаешь драйв, заряжаешься энергией, и вообще за интернетом, в принципе будущее, как я вижу.

– Я тоже собираюсь работу начать искать. На одной стипендии в 500 рублей в месяц, в Москве не проживешь. В Москве в принципе надо работать, учиться хорошо было у себя, в Томске, там идеальное место для того, чтобы вырасти, отучиться, а дальше... надо было в столицу двигаться.

– Уже прикидывал, куда пойдешь? – спросил Крайнов.

– Посмотрю, куда получится устроиться... На выборах 96-года работал у одного томского кандидата в штабе. Потом у него же помощником в Томске. Попробую по этой линии, к своим, а дальше как сложится. Но в Москве главное, как я понимаю, на месте не сидеть.

– Это да.

– А ты как, Андрей, снимаешь комнату или квартиру? Ты в прошлый раз, когда на ВДНХ познакомились, говорил, что у своего земляка живешь?

– Давно съехал от него, и квартиру уже не снимаю. Недавно к одной девчонке переехал, у нее живу, – Золотарев понимающе кивнул головой, молча глянул на Крайнова.

– Москвичка, – закончил тот.

– Понятно... и как у вас?

– Весной собираемся расписаться.

– О, все серьезно?!

– Посмотрим, как будет. У нее квартира своя, да и с головой дружит, московской жизни меня учит, – усмехнувшись добавил Крайнов.

Парни заулыбались сказанному.

– А я на аспирантскую стипендию личную жизнь не скоро налажу...

- Смотря кого, искать будешь, – ответил Крайнов.
- Что верно, то верно, согласился Золотарев.

Он поднялся на лифте на 11-й этаж общежития, в комнату 1111, в которую его заселили и в которой он должен был жить вместе с аспирантом-астрономом. До 22 лет Золотарев прожил вместе с родителями, один раз только, поссорившись с отцом, ушел к своему университетскому другу Сане Жилину, снимавшему комнату в частном деревянном доме в Заисточье. Был майский вечер, Татарская слобода жила своей спокойной вечерней лениво-умиротворенной жизнью. По лужайкам болтались сонные псы, лениво разевавшие пасти на незнакомого, занесенного из верхнего города парня, и, не находя в себе сил тявкнуть в его сторону, пропустили мимо себя в сторону тупичка с домом, где проживал Жилин. На деревянной лавочке, перед калиткой в жилинский двор сидел хозяин дома – дядя Леша по кличке Купол.

– Аа, Володька, привет! Ты к Сашке? Дома он, дома, – приветствовал Золотарева Леша-Купол. – Опять какую-то хрень, мать ее, заумную читает. Звал его на рыбалку, как раз солнце на закате хорошее, – кивнул Леша в сторону бронзового шара, падавшего за Томь. Леша-Купол сидел во фланелевых трико, с голым торсом, серые волосы, зачесанные назад, топорщились вокруг затылка, в глазах мелькал бедовый огонек...

– Да, поживи, Володя, конечно, только Лешу-Купола надо предупредить, – на вопрос друга ответил Жилин.

– Сидит на лавочке у ворот.

– Он замучил меня сегодня, не дает дипломной нормально позаниматься, мне через десять дней Васильевой сдавать, а у меня ничего не написано!

– Конечно! Живите, други! – воскликнул Леша-Купол на вопрос Жилина. – Но это дело обязательно надо обмыть! Без бутылки никак!

Жилин, театрально пожав плечами, глянул снизу на Золотарева и развел руками: – Вот что с этим человечиком делать, Володя, придется пить...

Золотарев вспомнил этот эпизод из десятидневной самостоятельной жизни. Как все сейчас пойдет, в Москве, после того, как он съехал от родной тетки, поступив в аспирантуру. Главное, он уже понял для себя, в Москве – это работа. Без нее в Москве нет смысла жить...

Найти работу ему помогла родная тетка, устроившая племянника в Институт Востока. В общежитии он стал общаться с двумя соседями с десятого этажа, биологом Мишей Зваричем и юристом Зауром Тотевым. Золотарев познакомился и с одной из соседок, Элей, жившей на одном этаже с ним, через комнату. Это была симпатичная русоволосая девушка с большими, чуть раскосыми серыми глазами. Они разговорились в лифте.

– О, ты только начал учиться, уже на работу устроился? – отметила Эля, узнав, откуда он возвращается. – А ты интересный, заходи в гости, я в 1113-й живу.

Часто по вечерам парни, купив пиво, собирались у Золотарева в комнате, сосед которого, астроном, неделями пропадал в своем институте, обсуждали политику, рассказывали о своих институтах, городах. В конце декабря, накануне новогодних праздников, друзья собрались перед отъездом на Новый год домой у Золотарева. Купив водки, заговорили про женщин, грошовые аспирантские стипендии, допив бутылку, недовольные разговором и друг другом, разошлись по комнатам.

Золотарев остался один. Он вышел на улицу, прогулялся до метро Коньково, возвращаясь, нашел глазами окна своего этажа. Вдруг он вспомнил про Элю, жившую на его этаже, окна ее горели, как раз через потухшие окна комнаты 1112. Он поднялся к себе, почистил зубы, привел себя в порядок, постучался в дверь ее комнаты. «Может она не одна и не открывает»? – на мгновение подумал Золотарев. Он прислушался: «Ну конечно, она в ванной и не слышит!»

Он вернулся в свою комнату, сел за обеденный столик. Задумался. Ему до навязчивости захотелось увидеть Элю. Он заходил по комнате, стало жарко. Он пошел в ванную, засунул голову под кран с холодной водой. «Что же делать? Снова пойти к Зауру? Или к Зваричу, выпить с ним?». Золотарев насухо вытер голову. Он подошел к окну, уставился в ночное московское небо, взял из пачки Winston сигарету, открыл окно, закурил. Посмотрел вправо, туда, где горел свет из окна Элиной комнаты, куда во всю длину стены уходил карниз. «А ведь ее окно открыто!» Он снова надел куртку и ботинки, вышел в коридор. Вызвал лифт, но он долго не приходил. «К черту лифт!» Золотарев побежал вниз по лестнице, выскочил во двор и, обежав здание, увидел окно своей комнаты, оно было открыто. А дальше, через два темных, не горевших жизнью окна, комнаты 1112, Элино. Оно было приоткрыто внутрь комнаты. Золотарев снова побежал в общежитие, на этот раз лифт стоял на первом этаже и пополз вверх. «Точно. Я знаю, что делать!». Он забежал к себе в комнату. «Стоп, стоп. Не надо дергаться. Соберусь с мыслями. Все аккуратно. Мне нужны другие штаны. Шерстяные». Он выглянул в окно. «Карниз довольно широкий, сантиметров двадцать. И не покатый. Плохо, что железо. Оно может скользить. Не скользкий, был бы скользкий, влаги бы не было. Но все равно, нужны шерстяные штаны. Джинсы не пойдут». Он переоделся.

Золотарев забрался на подоконник, открыл шире окно, сел на начало карниза. «Все нормально, не скользкий. Точку опоры в позвоночник, ноги в стену, под карниз. Спиной прижаться к стеклу». Он уцепился маленькими, но сильными и ловкими пальцами обеих рук в карниз, и стал обдумывать движение. «Какое может быть движение вправо? Махать коленями? Я раскачаюсь и мне пиздец...», Золотарев скосил глаза вниз, там было ужасающе далеко до земли. «Нет, двигаться нужно задницей, черт побери!».

Он продвинулся на два метра вправо. Сзади за спиной заканчивалась выемка окна, впереди начиналось самое опасное. Его правое плечо уперлось в метровый простенок между комнатными окнами. Ему стало страшно. «Может быть, вернуться...» Он глянул вперед, внизу и впереди стояли московские дома, в которых горели окна, теплые и уютные, они дышали обывательской, мирянской теплотой, спокойствием, гладким течением, размеренной, спокойной семейной жизнью. «Зачем мне это надо было?» Он посмотрел вниз. «Нет, это сразу смерть, без вариантов, но об этом лучше не думать. Как двигаться? Лучше вперед по выбранному ритму. Или выбить окно? Но что я скажу? Подумают, что я алкоголик, сумасшедший... Но останусь живым. Нет... А ведь все так хорошо началось в Москве. Аспирантура, работа... И что... Я эту женщину видел два или три раза в жизни, я ее совсем не люблю. Что я делаю?! Хватит думать. Надо что-то делать. Еще минута, и я примерзну, теперь тише и осторожней».

«Главное – точка опоры, не терять ее, не терять...». Он продолжил движение, преодолел половину простенка и правой рукой наткнулся на обledenелость. «А вот это, кажется, точно мой пиздец». Обledenелость на карнизе была не толстая, сантиметра полтора-два, но его правая рука не могла найти ее края справа. Наконец нашел. «Сантиметров тридцать... если выживу, брошу пить...» – загадал он. Самое опасное было въехать ягодицей на обledenелость, потому что невозможно просчитать, что будет дальше: удержится он на ней или съедет вниз. «Так, что же делать?», Золотарев уже лихорадочно обдумывал новый ритм движения. «Нет, только не назад. Если упаду вниз, я уже ничего не узнаю. Ничего уже не будет для меня. Все кончится быстро. Тридцать метров. Мать только жалко... Столько для меня сделала... Кто еще вспомнит? Друзья, Никитюк, Жилин... Серега Стариков... на могилу будут ходить... А из девчонок кто? Да никто. Эх, сестренка, тебя не было рядом со мной, удержала бы... Так, не о том. Не сиди. Что делать? По-другому, надо не наехать на нее, а как в детстве на турнике, сесть сверху. Точно». «Теперь так же. Не останавливаться. Пока штаны не прилипли». Он снова сдвинул руку вправо и снова перенес себя вправо, оказавшись в проеме окон комнаты 1112. Он начал двигаться вперед, преодолев три метра карниза, в междуоконье 12-й комнаты. В самом конце он снова остановился, почувствовав себя обессиленным. До него дошло попробовать

постучать в окно комнаты: «Может быть, не спят?» Он начал колотить правой рукой в окно. Но все было бесполезно. И тут ему пришла в голову еще одна мысль: «А вдруг и Эли нет в комнате, и она просто забыла выключить свет?! Нет, не может быть. Надо двигаться и не думать об этом... Так, так, успокойся, возьми себя в руки, будешь психовать, тебе крышка. Успокойся». Показалось уже близкое Элино окно. «Вот тут только не заспешить, только не заспешить!». И он заспешил, не в силах удержаться. «Окна открываются внутрь. До окна совсем чуть-чуть. Окно, окно!» Торсом он еще не прошел простенок, но правая рука уже дотягивалась до окна. Он постучал в окно. И снова стал двигаться. Вправо. Постучал еще раз, сильнее, и снова сдвинулся вперед. И, наконец, придвинулся к окну Эли, заглянул внутрь. Между шторами он увидел Элю, лежащую на животе в халатике и наушниках на большой, двуспальной кровати. Она болтала голыми красивыми лодыжками и смотрела телевизор, где шла какая-то рождественская сказка. Она совершенно ничего не слышала, продолжала смотреть в тиви. Тогда Владимир вплотную придвинулся к ее окну и изо всех сил забарабанил в окно. Эля испуганно дернула головой, грациозно соскочила с кровати, приблизилась к окну, отдернула штору и почти лицо в лицо, через стекло уперлась взглядом в страшный взгляд Золотарева. На мгновение ее глаза испуганно расширились, но тут же она скинула наушники и растворила окно. В Золотарева ударил безумный, мускусный запах женского тела.

– Ты с ума сошел?!!

– Ты не открывала дверь!

Она обхватила его за шею своими длинными красивыми руками и неожиданно сильно дернула на себя, прижала его голову к своей груди, втащила на подоконник.

– Ты сумасшедший! Ты что, это ради меня сделал? Ты сумасшедший! – Она прижимала его голову к своей маленькой груди, а он увидел ее красивые стройные ноги и белые трусики, там, где-то в начале халатных пол. Он сидел на подоконнике и чувствовал и видел ее тело, а она прижимала его к себе и гладила его обледеневшие волосы.

– Просто ты не открывала дверь! – выдохнул он, проникнув холодными руками в самую горячую часть женского тела, в уголья ее рук и подмышек, сжав их и ощутив, как Элино тепло входит в него, приблизил ее к себе.

Поезд, миновав Екатеринбург, въезжал в Зауралье, в Сибирь. Резко похолодало. На стеклах плацкартного вагона мороз всюду разрисовал сказочный лес. «Такое только у нас может быть, на Урале и в Сибири», – думал Золотарев. Он лежал на верхней полке, смотрел вниз, на сидящего на нижней полке молодого киргиза. Прошлым вечером они поговорили с ним, киргиз рассказал, что мечтает завести отару овец в тысячу голов, а сейчас мотается курьером, возит товар. Какой, он не стал говорить, но обмолвился про травку. «И надо нам эти границы открытые, – думал Золотарев. – Ну ладно травка, а ведь и героин возят...» Потом его мысли вернулись к последним двум московским дням уходящего года. К Эле, к их безумному двухдневному роману.

Двое суток они почти не выходили из Элиной комнаты, и только Золотарев бегал к метро, к продавцу узбеку, торговавшему курицей-гриль, да за шампанским.

– У меня никогда не было так хорошо с женщинами, Эля, – откровенничал с ней Золотарев. А она нежилась в кровати в пеньюаре, черных шелковых чулочках, мурлыкала и покуривала ментоловые сигареты.

– Ты такой неустойчивый и такие ласки делаешь, немногие мужчины на такое способны, – отвечала Эля. – Вот только худенький, тебе бы поправиться килограммов на десять. Хотя это и хорошо, на мой живот своим пузом не давишь, – смеялась она и хитро раскосыми серыми глазами поглядывала на Золотарева. – А я тебе нравлюсь?

– Да, конечно, у тебя отличная фигура!

– У меня грудь маленькая, – жеманно мурлыкала Эля.

– У меня 70 килограмм, уже давно вес не меняется. Я в 18 лет вытянулся, до 180, и не поправился. Как отец. Он тоже худой был. Уже после сорока стал поправляться.

– А тебе сколько лет?

– Мне двадцать три.

– Жаль, такой молоденький, – отвечала Эля.

– Почему жаль?

– Мне уже тридцать пять. Пора заводить ребенка. Было бы тебе лет тридцать. Ну, хотя бы двадцать восемь, а 12 лет разницы – много. Ну, хватит болтать, иди ко мне, – она поманила его пальчиками обеих ног к себе. – Иди ко мне, мой ласковый...

Золотарев, зажмурившись, вспоминал ее и думал о ней. «Нет, надо что-то делать. Наверное, надо жениться. И на ком?» Он вспомнил своего старшего дядю, дядю Сережу, отцовского брата. Он жил в Ульяновске и года четыре назад приезжал погостить в Томск. Была гулянка, где собрались многочисленные золотаревские родственники, они вышли с дядькой покурить. Дядя Сережа стал расспрашивать Золотарева.

– Да, есть девушка, да, – отвечал второкурсник Золотарев.

– Как ее звать?

– Танька с экономичес...

– Никогда не называй так женщин, – тут же оборвал его дядька.

– Ну, ее же нет с нами, в лицо я ее только Таня называю.

– Даже если ее нет, никогда так не называй, и даже про себя и самому себе. Только Таня. Всегда будь ласков и уважителен к женщинам, – поучал его дядька.

– Понял.

– Сколько ей лет?

– Моя ровесница.

– Нормально. Плюс-минус два-три года – это нормально. Даже лучше, когда женщина постарше, как у твоего отца или у меня. Вот у меня Люда на три года старше. Она мудрей, всегда советом подскажет. Но и ровесницы тоже, в общем, нормально. Смотри только за молодыми школьницами не бегай, проблем не оберешься, будешь ревновать, как наш дед бабку. И лучше землячку выбирай, а то видишь, куда меня Люда увезла. Жили в Томске, учились, а ей на Волгу снова приспичило. Увезет, женщина всегда увезет туда, где выросла, – густо улыбался сквозь усы дядя Сережа.

– Тетя Оля же уехала в Москву и в Томск не собирается, – ответил Володя.

– Ну, брат, тетя Оля у нас одна на сто тысяч такая женщина! Она уникальная! Ты ее в расчет не бери! – отвечал дядька о родной сестре.

Поезд остановился, объявили Тюмень, Золотарев, как был в свитере и джинсах, надев новые, купленные перед приездом в Томск зимние модные ботинки, выскочил на перрон. Проводник, одетый по-сибирски на полную катушку: в дубленке и шапке-ушанке с завязанными на подбородке ушами, подмигнул Золотареву:

– Гляди остудишься!

– Ничего, я недолго, голову освежить.

Он помахал руками, глянул на часы. Было четыре вечера. На перроне местные торгаши предлагали пирожки и пиво. Купив пару пирожков с картошкой, Золотарев задумался взять пива. «Я же водку решил не пить. Нет, не буду».

Он с остывшей головой, освежившийся вернулся в вагон. А в вагоне прибыло народу. Прибавилось пять вахтовиков, шумных радостных мужиков, которые ехали домой на отдых, на Новый год, они галдели и радостно кричали, что, наконец, возвращаются в свои семьи.

Двое из них разместились в плацкартном купе по соседству с Золотаревым. Один, невысокий, коренастый, черный, больше похожий на цыгана, чем на русского, с печальными черными глазами, расположился на верхней полке напротив Золотарева. Второй с нижней полки сразу же пропал в соседнем купе, где разместились остальные трое. «Чернявый, видать, у них за бригадиром, – подумал Золотарев. – Странно».

– Саня, – первым представился чернобровый.

– Володя.

– Далеко едешь?

– До Тайги, а там на электричке до Томска. Томск в аппендиксе находится от Транссиба.

– Да слышал, а мы в Усолье-Сибирское. Усольчане, вахтовики.

– Понятно, а у себя как с работой?

– Плохо, пять лет мотаемся на вахту в Нефтеюганск.

– А ваши, похоже, в карты играют? – сменил тему Золотарев.

– Ну да, деньги мне отдали, вот и режутся в карты.

– А ты что?

– Я третий год не пью, вожу их деньги, чтобы не пропили, – махнул головой в сторону земляков в соседнем купе чернявый Саня.

– Я тоже не пью, – похвалился Золотарев. – Бросил.

– А ты что? Молодой же. Пока не женатый, что не выпить? Это потом женишься, детей заведешь, бросишь... – Саня как-то тоскливо замолчал. – А пока молодой-то, что не выпить.

– Посмотрим, в Томск приеду, с друзьями, наверное, и выпью немного.

Замолчали. Вечер загустел, за окном было темно, а вагон протоплен был основательно. Было жарко, Золотарев задремал, забыв расправить постель. Потушили большой свет. Внезапно он проснулся от сильного шума и веселого крика. Он поднял спросонья голову и взгляделся в проход. В проходе приплясывал и орал разухабистую песню здоровенный детина, вахтовик, лет тридцати-тридцати пяти.

– А я Коля-Николай, а я вышел погулять! Эх мать, вашу мать, а я вышел погулять! А ты девица красна! Не бывала ты ясна! – приплясывал и орал во весь голос, детина. – Эх, ух, люблю двух! А я, Коля, люблю двух!

Он внезапно прекратил песню и припляс. Засмеялся во все горло, а потом заговорил: – А эх, Саня, дай мне тысячу из моих денег! Душа просит! Слышишь, Саня!

Золотарев глянул на своего соседа. Тот лежал на боку, подперев голову тыльной стороной большой, натруженной мужицкой ладони, и спокойно, без тени нервов смотрел на своего пьяного товарища.

– Не дам, Коля, иди, ложись спать. Проспись, – ответил он.

– Это мои, мать твою ити, деньги! Верни их мне! – взъярившись, закричал здоровенный детина Николай, так, что сонный Золотарев испугался за соседа Саню.

– Верни, я сказал!

– Не дам! – ответил Саня.

– Ах ты ебтить! – детина замахнулся и попытался стукнуть своего товарища, но промахнулся. А тот в секунду соскочил на пол вагона, оказавшись на полторы головы ниже пьяного Николая, врезал ему в печень, а потом заломил руку за спину.

– Спать, сука, я сказал!

Молодой сонный киргиз, ничего не понимая, испуганно глядел на дерущихся вахтовиков, а Золотареву стало весело и захотелось помочь Коле. Вовсю смеялся и товарищ Сани с нижней полки.

– Аа, отпусти! – заревел Николай, но Саня вместо того врезал ему свободной рукой по правой почке и, вырубив, покантовал в соседнее купе, на свое место. Через пару минут Саня вернулся.

– Ну как тот, Коля, успокоился? – спросил Золотарев.

– Да вроде успокоился. Третий год не пью, вожу их деньги, и каждый год одно и то же, – устраиваясь спать, как-то совсем уже спокойно, будто и не было драки со своим приятелем, ответил Саня.

– А где он напился-то?

– Да кто-то напоил, поезд-то большой. Или схоронил на дорогу, да все выжрал.

– Аа, понятно. Ну, спокойной ночи.

– И тебе спокойной...

Наутро Золотарев проснулся от баса того же Николая, который стоял в проеме купе.

– Это, как его, Саня, извини меня. Я не хотел. Сам понимаешь, выпил маленько, ну что там, еще захотелось, бывает же. Спасибо, что это, как его, успокоил, – басил Николай.

– Да пошел ты, Коля. Иди лучше рожу умой, пьянь ты! – ответил Саня.

– Спасибо, спасибо! – обрадовано заулыбался Николай и исчез.

Так, с неспешными разговорами и рассказами о своих городах, с веселыми картами в козла или дурака, Золотарев доехал с усольчанами до станции Тайга.

– Привет Усолью! – на прощанье сказал Золотарев.

– Привет Томску, – ответил Саня. Он вышел проводить Золотарева на перрон. Хлопнули по рукам. Золотарев махнул Сане и зашагал в сторону станции.

Было два часа дня, вовсю светило низкое сибирское декабрьское солнце. Мороз хватал Золотарева за нос и уши. «Узнаю, узнаю», – радостно шел навстречу ему Золотарев. Он купил билет на электричку. «Наконец-то дома. В Сибири, в Тайге, вот он уже, Томск. Черт побери, скоро увижу родных, своих друзей, сестру. Наконец-то дома! Уже скоро дома», – радостно думал Золотарев.

Глава 6. Ссора в кафе

Накануне Рождества 2000-го Золотарев сидел у Жилина в гостях. Тот переехал в центр Томска, на Фрунзе, сняв 12-метровую квартиру в малосемейном общежитии. Жилин, как и Золотарев, поступил в аспирантуру, но, разочаровавшись в ней, устроился работать редактором на телевидение. Разочаровавшись и в работе на тиви, грядущей весной собрался служить лейтенантом в армию. Еще раз вспомнив и обсудив уход Ельцина в новогоднюю ночь, сменившего его молодого Путина, замолчали.

– Поехали со мной к сестре, Рождество встретим, Света рада будет, – собираясь уходить, предложил Золотарев другу.

– Не... Останусь дома, Володя. Буду вам своей кислой рожей праздник портить. Давай завтра к Никитюку ходим.

– Как хочешь. До завтра.

Золотарев вышел из подъезда в похолодевший зимний вечер. До Академгородка, где второй месяц жила его родная сестра со своим будущим мужем, надо было добираться на маршрутном автобусе. Золотарев отправился к остановке, скользя на тротуарных наледях.

«Что Света нашла в этом энергетике? Сейчас приеду к ним, наверняка, будет мне о преимуществах политеха над универом рассказывать... ладно хоть Маша Севостьянова будет...», задумался он, подходя к автобусной остановке. В новогоднюю ночь сестра приехала с Анатолием, своим будущим мужем, на его праворульной «Тойоте» поздравить родителей и брата.

– Свет, а он не скучный? – куря на балконе с сестрой, негромко спросил Золотарев, кивая в залу, в сторону праздничного стола, за которым с их родителями сидел плотный, одетый в праздничную белую рубашку и пуловер Анатолий.

– Ну, есть немножко, – ответила сестренка.

– Вы же с Серегой с первого курса встречались, и теперь он, – брат кивнул в сторону комнаты.

– Да как-то все шло к тому, что разойдемся с Сережкой... а потом он появился.

– И что у вас случилось-то?

– Володь, давай не будем сейчас...

«И все-таки Света зря бросила Серегу, – размышлял Золотарев, стоя на остановке. – А может, так и надо, за скучных замуж выходить...»

Его взгляд упал на новое здание, судя по всему, недавно выросшее на остановке, с высоким цокольным бетонным этажом и стеклянной надстройкой. Вход был с торца здания. Это было новое, на вид дешевое кафе, за толстыми стеклами которого вовсю двигались люди, по лестнице поднимались и спускались небольшие, по два-три человека, компании молодых ребят и девчонок 18—20 лет.

«Заглянуть, перед тем как к этому инженеру энергетических работ ехать, что ли? – подумал Золотарев. – А пойду пива выпью, настроение подниму себе». Он поднялся по лестнице, над входом висела небольшая вывеска: «Кафе „Бабочка“». «Нда, придумают же название», – ухмыльнулся он и вошел внутрь. Навстречу сразу пахло запахом дешевого алкоголя, сигарет, запахом веселой бойкой атмосферы, когда несколько десятков молодых парней и девчонок сидят в молодежном кафе, пьют дешевый алкоголь, закусывают и запивают его дешевыми напитками и закуривают сигаретами. Золотарев в прифасоненных новых джинсах, новом пуховике и новой толстовке выглядел странно среди рабочей молодежи, одетой в спортивные олимпийки и зимние штаны с начесом, но он чувствовал себя как дома среди молодых пьянеющих и веселых лиц, среди громко звучащей российской попсы.

«Иногдаа я жду тебя, как звездааа, веду тебя, иногдааа пою тебя, знаешь, я ищу тебя, ищу уже давно...», – грустно пела из динамиков Алсу. Он заметил единственный свободный

столик, добравшись, сел за него. Сняв пуховик, повесил на спинку стула, отправился купить две бутылки «Балтики 9». Вернувшись с пивом и пластмассовым пол-литровым стаканом, налил, с удовольствием потянул с добрых полстакана, закурил, тут же допил первый стакан, принялся за вторую бутылку, в голове помутнело... «Без тебяааа нет меня, протяни навстречу руку, не грусти об этом дне, обещает нам разлуку...», – кричали динамики.

– Можно к вам? – перед ним стояли две совсем молодых девушки, лет 16–17.

– Да, конечно, присаживайтесь.

Одна из них была симпатичная, среднего роста темно-русая девица с заметным бюстом, в короткой юбке. Она сняла с себя плюшевую искусственную шубу. Вторая, маленького росточка, но в джинсах, девица. Золотарев обратил внимание на симпатичную, она оглядывалась в сторону барной стойки, словно ища знакомых.

– Давайте я закажу, – начал Золотарев. – Будете пиво?

– Лучше водки, – за двоих ответила некрасивая. Симпатичная кивнула. Они познакомились. Золотарев пошел к стойке, сразу по-новому вслушиваясь в попсу. «... Я отрываюсь от земли, я от тебя на полпути, и мне так важно, что ты думаешь об этом... Солнышкооо в руках, мне так хорошо с тобой мечтать об этом...»

Он заказал графин водки, на закуску строганину из стерляди, водку захватил с собой. Вскоре принесли строганину.

– За знакомство! – произнес короткий тост Золотарев, не чокаясь выпил. Девицы не оценили дорогой закуски, попросили заказать обычных котлет. Выпили еще. И еще.

– Вы томские?

– Нет, я с Шегарки, – ответила симпатичная и виновато опустила глазки в стол.

– Я с Парабели, – ответила некрасивая и наглово посмотрела прямо в глаза Золотареву.

– Учитесь или работаете?

– В медучилище учимся, она вон в анатомке дежурит, – кивнула нагловатая в сторону симпатичной. Та в ответ улыбнулась и с надеждой в глазах посмотрела на Золотарева. «Наверное, и нужно искать такую вот, простую и деревенскую, из Шегарки, с красивой грудью, которая в анатомке работает. Будет мне по гроб жизни благодарна, что вытащу ее из деревни. А если еще и в Москву...».

– Хотела бы в Москве жить? – обратился он к одной только симпатичной. Но она не ответила, посмотрела на подружку. Та молчала.

– Хотели бы? – поправился Золотарев.

– Да отчего бы не жить, – ответила некрасивая. – А ты что, из Москвы?

– Нет, я местный, – ответил Золотарев. – С Иркутского тракта.

– Как тебя на Фрунзе занесло? – спросила некрасивая.

– К другу заходил.

– А где друг-то?

– Да так, не пришел пока.

Принесли котлеты, под них еще выпили. Некрасивая, быстро съев свои котлеты, закурила.

– А ты куришь? – спросил симпатичную Золотарев.

– Да, иногда, когда хочется. Сейчас не хочу.

Она все больше и больше нравилась опьяневшему Золотареву. «Такая вот и нужна в женах, не наши университетские, фригидные и закомплексованные, которые Канта с Достоевским обчитались, и не поймешь, что хотят от жизни, а вот такая спокойная, из медучилища, из деревни. Наверняка готовит хорошо и откачает, если что... Что же дальше-то? Надо с симпатичной на завтра договориться. В кино ее сводить, или в театр, театр-то есть на праздники?» – думал Золотарев.

– Какие книги нравится читать? – спросил он обеих подруг.

– Какие еще книги, их в училище полно, – ответила толстая.

– Я больше сериалы люблю смотреть, – ответила симпатичная и виновато улыбнулась.

«Ну и к лучшему, зато в постели с ней будет хорошо», – все больше пьянел Золотарев. Ему казалось, что в симпатичной девице из медучилища он нашел свою будущую жену, и теперь стремительно пьяными мыслями обдумывал завтрашний день, следующий месяц, перевод симпатичной девицы в Москву, их женитьбу. «В общежитии, в ДАСе, есть блоки для женатых, отдельно будем жить, – думал Золотарев, наливая водки. – О чем бы еще с ними поговорить? Куда им ходить нравится? Наверное, сюда...»

– Я присяду? – прервал его мысли бойкий паренек в адидасовской олимпийке, державший в руках графинчик водки.

– Да, конечно! – обрадовался Золотарев новому лицу.

Тот присел, быстро налил.

– Предлагаю выпить за знакомство! Я Юра.

Познакомились и выпили.

Юра, не раскачиваясь долго, зацепил кусок подтаявшей строганины, закусил.

– Предлагаю за праздник, за Рождество Христово!

– За Рождество!

Все снова выпили. Девушки с приходом Юры оживились. И вообще все сразу стало совсем хорошо. Золотарев отправился к барной стойке, заказал еще графин водки и котлет для девушек. «Ты здесь, прикосновение рук... прикосновение губ, прикосновение души к душе, ты рядом со мной уже! Как электрический ток, из позвонка в позвонок проходит нежно волна тепла! О как долго тебя я ждала! Ты здесь!» Золотарев пытался вспомнить, откуда взялся Юра, кажется, сказал, что приехал с Урала... «Ты здесь! Только не уходи, все у нас впереди! Только не уходи! Чувствую я тебя, радуясь и любя! Ты здесь!» «Как его в Томск занесло? Надо же. Как здорово, славный парень этот Юра, позову его в гости к себе, в Москву, на свадьбу... как же ее зовут?...» «Ты здесь! Я знаю точно, ты здесь!»

Он вернулся с графином, выпили.

– Ты из Москвы, Володька, это круто! Вот эта песня – «Я московский озорной гуляка!» Помнишь, да? Вот эту песню пойдём в караоке споем, я заказываю!

– Пойдём, Юрка, конечно, помню, это моя любимая песня!

– Девчонки, мы сейчас! – провозгласил Юра.

Народу в кафе все прибавлялось, был уже настоящий шалман, все кричали и курили. Объявляли тосты, всем было весело. В караоке стояла очередь, но Юра всем быстро объяснил про Володьку из Москвы, заказал «Гуляку».

– Вот это песня! Вовка! Вот это песня! – тыкал пальцем Юрка в экран караоке.

– Каждая задрипанная лошадь

Головой кивает мне навстречу!

Для друзей приятель я хороший,

Каждый стих мой душу зверю лечит!

Я московский озорной гуляка!

По всему Тверскому околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку! Да-да-да!

Они спели, им зааплодировала вся очередь в караоке. Довольный Золотарев всех пригласил приезжать к нему в Москву.

– Особенно тебя, Юрка, жду!

– Конечно, приеду, о чем речь, мы там такого шороха наведем! Вся Москва запомнит! Слушай, у меня презервативы есть, – почему-то перешел на шепот Юрка. – Тебе твоя в юбке, мне толстушка в джинсах, есть где?

– Да постой, какие презервативы, – громко ответил Золотарев. – Я на ней жениться хочу, ты что!

– Тихо-тихо, – зашептал Юра, подходя к столику. Пока они пели, к ним за столик, приставив стул, подсел молодой, невысокого роста парнишка.

Они познакомились, разговорились.

– Не, я не пью, – отказался парнишка. – Завтра тренировка. Вообще не пью.

– О, молодец, – похлопал того по плечу Золотарев. – И что за спорт?

– Да бокс, – ответил тот.

– Это здорово! – ответил за всех Юрка. – Бокс – это такого шороху можно навести! Давай с нами, 50 грамм не помешает, а только усилит!

– Да не, хотя давай, пятьдесят, – согласился парнишка, поглядывая на симпатичную девушку.

Юра в минуту нашел рюмку, выпили.

Всем стало совсем весело, а Золотарев совершенно пьяными и счастливыми глазами смотрел на застолье, ковырялся вилкой в остатках растаявшей стерляди.

– Слушай, ну как ты там движешься вообще, в боксе? Такой маленький? Ничего в ринге, нормально?

– 30 секунд, и ты будешь лежать, – ответил парнишка.

– Да ладно, где же ты там, тебя ведь не найдешь, – засмеялся Золотарев.

Симпатичная девушка, не отрываясь, смотрела на молодого парнишку, боксера.

– Пойдем, выйдем, и все найдешь, – ответил парнишка.

– Ну, пойдем! – засмеялся Золотарев.

– Давай я посмотрю, чтоб все по правилам, – засуетился бойкий Юра.

– Ты, главное, его сразу вали на землю, – шептал он советы Золотареву. Они втроем встали и двинулись к выходу. Золотарев в самом счастливом настроении от всего, что происходит, двинулся первым к выходу, приглашая своих молодых знакомых идти за ним, раздвигая для них толпу. Кафе провожало москвича чуть ли не аплодисментами. Они вышли на улицу, встав на лестнице. Холод зимнего вечера сбросил счастливую улыбку с лица Золотарева.

«Я, кажется, сейчас буду драться, – вспомнил он. – Так, он маленький и масса у него никакая, но он трезвый и, кажется, боксер... он говорил, что боксер... но он маленький... надо мне в него попасть, только попасть...»

Они зашли за кафе, ворота во внутренний двор были открыты. Светил фонарь, место было подходящее. Золотарев встал в стойку, парнишка напротив смотрел на него и, также встав в стойку, нагло улыбался ему в глаза.

– Начали! – бойкий Юра махнул рукой, они двинулись навстречу друг другу. Золотарев попытался с левой одним ударом покончить с пареньком, но тот легко уклонился и в следующее мгновение атаковал апперкотом в подбородок с левой и правым коротким хуком в скулу. Золотарев удержался на ногах, двинулся в сторону, потом на парнишку, тот, уже не закрываясь, провел кросс в подбородок. Золотарев, как был, рухнул на снег, но сознания не потерял.

– Ну что, хватит? – спросил паренек сверху.

«Надо же, все по правилам, не добивает», – мелькнула мысль в голове у Золотарева. – Да, хватит.

Он похлопал левой ладонью по земле.

– Я же сказал тебе: 30 секунд, – усмехнулся он. И направился в сторону ворот, ведущих из двора.

– Быстро ты его, – восхищенно говорил Юра пареньку, следуя за ним и уже оборачиваясь к Золотареву: – Ты давай, вставай, не май месяц на снегу лежать.

Они ушли. Золотарев чувствовал, что рот наполняется чем-то кисловато-сладким. Он плюнул на снег, оказалось, что рот был полон крови. Он языком провел внутри рта и понял, что сильно прокусил нижнюю губу. Оттуда в рот сочилась кровь.

«И что меня занесло в это кафе, что я здесь вообще делал?» – думал он, сидя на снегу. Он потрогал левую скулу, она стремительно опухала. Он набил себе рот снегом, приложил снег и к левой скуле. Встал, заметил, что пара капель крови попала на джинсы. Он как-то быстро протрезвел. Чувствовал, что рана на губе приличная и сильно кровоточит. «Я был вообще никакой, что меня потянуло?» Он встал, медленно пошел в сторону кафе. Поднялся по лестнице, нашел глазами свой столик, заметил пуховик, висящий на стуле. Медленно, сглатывая кровь, отправился к своему столику. Вся компания сидела, все весело общались, симпатичная девица уже сидела рядом с молодым парнишкой, заглядывала ему в глаза и что-то говорила.

Золотарев подошел к столику, взял пуховик. Девица на него даже не взглянула, продолжала что-то говорить парнишке. И только Юра, заметив Золотарева, махнул рукой:

– Привет Москве, москвич!

Он весело, во все свои голубые правдивые глаза улыбался Золотареву. Золотарев ничего не ответил, понимая, что нормальных слов не будет, да он и не мог говорить – рот был полон крови, махнул рукой уходя.

«Теперь, наверное, такси? А деньги-то есть? Света заплатит, если нет», – подумал Золотарев, выходя из кафе «Бабочка».

– Свет, у тебя бадяга есть? – поздоровавшись, спросил Золотарев у сестры, открывшей ему дверь квартиры. Золотарев взял себя в руки и держался бодро, начисто выкинув случившееся в кафе из головы. Он вообще умел настраивать себя в кризисы, собираться, двигаться вперед, стараясь воспринимать случившееся с оптимизмом, с выводами для себя.

– Какая бадяга? Стол накрыт, Володя! Господи, что с тобой?! – она всплеснула руками, увидев раздувшуюся скулу и опухшую нижнюю губу брата.

– Да так, зацепился в «Бабочке» на Фрунзе.

– Володя, ну ты что, ну разве можно было в этот шалман соваться? Ты бы хоть спросил!

– Да все в порядке, не волнуйся, подлечусь, ничего, полезно иногда, – улыбался Золотарев.

Они прошли в ванную.

– Бадяга, мазь специальная, забыла, что ли. На Иркутском меня лечили, когда побили сильно... накладываешь на синяк...

– Да какая у нас бадяга, ты что? Мы по «Бабочкам» не ходим, – недовольно ответила сестра. – Вот бери тональный крем. А с губой-то что?

– Да ничего, вроде кровотечение остановилось, прикусил маленько.

Они пошли к столу, Золотарев поздоровался с Анатолием, обратил внимание на Машу Севостьянову, с которой Света дружила еще с детского сада, и которую сам Золотарев знал столько же сколько и свою сестру. Он вкратце, переведя все в шутку, рассказал про стычку в «Бабочке». Анатолий невольно с неудовольствием посмотрел на Золотарева, и Владимир заметил этот взгляд, но почувствовал не раздражение, а наоборот, радость, как если бы он подтверждал золотаревские мысли о скучном Анатолии. А тот, налив всем замерзшей водки, оттопился за Рождество. Закусив, выпили еще. Света положила брату успевшей остыть утки. Снова выпили. Незаметно тон в застольном разговоре взял Анатолий, начавший рассуждать о политике.

– Новый молодой президент Путин, – говорил он, – это наконец то, что мы все так долго ждали, но президенту нужна команда, и главное в этой команде – наличие серьезных производственников.

– А как же Черномырдин? – спросил Золотарев. – Газпромовский, но при нем Россия особо не процветала...

– Цены, нефтяные цены, и один премьер – это еще не команда! А нужна серьезная команда сырьевиков-производственников! Даже не финансистов, они уже завалили кризис 1998 года, а сырьевиков. Именно они лучше всех знают подноготную российской экономики...

После второй рюмки обычно легко заводящийся на спор Золотарев перестал слушать Анатолия. «Надо же, а она изменилась, Маша-то, как-то повзрослела. Да и пора уже. Пятый курс. Сестра замуж собралась. Маша, кажется, на экономическом в строительном институте учится», – вспоминал Золотарев. Они разговорились, вспомнили общих знакомых с Иркутского тракта, школу, в которой вместе проучились десять лет. Севостьянова очевидно была красивей той, сегодняшней из кафе. Темненькая, с полными плечами и красивой грудью, с тоненькой талией, с большими глазами, она смотрела на Золотарева и улыбалась ему. «Кажется, что-то Света задумала, надо ее расспросить».

После часа непрерывного монолога о сырьевиках Анатолий перешел, как и ожидал Золотарев, к преимуществу Политехнического универа над ТГУ, и снова Золотарев обрадовался. «Как я и думал! Отлично. И что Света в нем нашла? Хотя, конечно, он правильный, не раздолбай, как Серега». Он незаметно кивнул сестренке в сторону кухни. Они вышли.

– Слушай, а у Маши есть кто-нибудь?

– Нет никого.

– Слушай, ну как так, она же раньше у вас была лидером, и все пацаны ее были. А сейчас что?

– Не знаю, нет нормальных. Ты знаешь, что у нее вообще парней не было?

– В смысле?

– Постели не было. Может быть, поэтому и нет парней, я думаю, она хочет до свадьбы быть девственницей.

– Вот как, понятно...

Они вернулись за стол. Незаметно вечер перешел в ночь. Сестра захотела танцевать, серьезный Анатолий на это был не готов, а опьяневшему Золотареву вдруг стало хорошо и весело, он с улыбкой вспомнил вечернее происшествие в «Бабочке». Вспомнил, как он давно, еще на третьем курсе, хотел свою Свету познакомить с Никитюком, а потом с Жилиным. Но она влюбилась в своего однокурсника – бесшабашного Серегу с Новокузни. «Вот, а теперь она меня, кажется, хочет женить», – улыбаясь, приятно думал Золотарев, глядя на Севостьянову, которая в ожидании, когда он ее пригласит на танец, сидела на стуле и прямо, не отводя своих огромных черных глаз, смотрела на него. Они танцевали, через блузку он чувствовал ее большую грудь, которая сильно вздымалась в ожидании его нужных слов. А он танцевал, и все

больше и больше хотел их сказать Маше и, наконец, сказал, и она счастливо прижалась к нему и согласилась.

...недоумевающий Анатолий ничего не понимал, что в момент произошло с этой сумасшедшей компанией с Иркутского тракта, и вслед за Светой поздравлял Золотарева, Севостьянову с будущей свадьбой, которая в один момент организовалась в его доме.

Золотарев с Машей лежали в постели, он обнимал ее за талию, ласкал ее груди и, зная ее желание оставаться до свадьбы нетронутой, не делал большего. «Наконец, это ведь здорово – получить в жены девушку, наверное, здорово, – пьяно думал он. – Лучше уже свою, пусть будет своя жена... Хватит этих карнизов и кабаков, пусть будет Маша».

Глава 7. Свадебное путешествие

– Андрей, посмотри! – Багровская стояла на балконе в хлопковых белых брючках, летней футболке, опершись ладонями о балконный поручень, худенькими плечами перевешивалась за него. Сияющими глазами она глядела на морской залив, на горы; на их вершины плотной белесой шапкой были надеты слоистые кучевые облака, предвещавшие хорошую погоду. Крайнов вышел на балкон их номера. Юля была счастлива, ее каштановые волосы шевелил легкий бриз, добиравшийся и до третьего этажа отеля.

– Красиво, как не похоже на Россию, все совсем по-другому...

Багровская обернулась в ответ на его слова, засмеялась.

– Я вспомнила, ты же первый раз за границей! Пойдем на море!

В минуту они переоделись, спустились на лифте в холл гостиницы.

– Я выбрала Aspens, потому что здесь не бывает русских, одни немцы и англичане, – говорила Багровская, подходя к ресепшн.

– Sorry, how to pass at the sea? – спросила она у администратора, мясистого усатого турка с улыбочивыми глазами; он услужливо на чистом английском объяснил ей, что утреннее море в мае еще может быть прохладно, но, если молодая леди и ее boyfriend желают... он объяснил, как добраться до Мемерли, старейшего пляжа Анталии.

В те несколько минут, что заняла у них дорога до пляжа, Багровская с наслаждением начала заниматься любимым в последние три дня делом – планированием недолгого свадебного отпуска в Анталии.

– Два дня море и старый город, вечерами будем сидеть в баре и пить белое вино!

– Юль, я не люблю белое вино! – ответил Крайнов.

– Тогда ты будешь пить виски или коньяк!

Он засмеялся:

– Ты же знаешь, сколько стоит хороший коньяк...

– Знаю! Но свадебное путешествие бывает раз в жизни, поэтому ты будешь пить только хороший коньяк, и нечего жалеть деньги!

– Хорошо, хорошо, только не кипятись!

Они добрались до пляжа. Багровская критически осмотрела маленькие песочные проплешины, которые располагались прямо под стенами старого города и красиво назывались старейшим пляжем Анталии.

– Даа, с Испанией, да и с Болгарией не сравнить!

– Смотри, – сказал Крайнов, указав на свободное место, – здесь можно лечь...

– Идем.

Они отдыхали на лежаках, наплававшись в море. Юля отлично плавала, по-спортивному держа голову в воде, гребла, не уступая в скорости Крайнову, а он, не умея держать голову правильно, плыл кролем так, как плавают самоучки, выучившиеся плавать в реках или озерах, держал голову и туловище высоко над водой и терял скорость. Крайнов, наплававшись, отдыхал, любовался Юлей, которая во второй заход пошла в море одна. Она выходила из воды, высокая, гибкая, длинноногая, на нее было приятно смотреть. Она подошла к Андрею, улеглась на свой лежак.

– Ты отлично плаваешь, – сказал он ей.

– Это мама, она меня с семи лет водила в бассейн, который я ненавидела, а потом мы с ней каждый год стали ездить на море, чаще всего в Болгарию, у нас там друзья, а море я полюбила.

– А твой отец? Они разошлись, да?

– Мой отец ушел от нас, когда мне было семь лет. Он профессор, он charmant, ты же видел его на свадьбе.

Андрей вспомнил ее отца: да, он был породистый, высокий, осанистый, с шевелюрой с проседью, он высокомерно держал себя и не замечал на свадьбе никого, кроме своей дочери.

– У него всегда были романы, – продолжала Багровская. – Со студентками, аспирантками. Мама терпела это, хотела, чтобы отец был рядом со мной, но потом это ей надоело. Они расстались, папа, кажется, с радостью ушел. Живет холостяком, вокруг него всегда много женщин, но они с мамой друзья и они хорошо разошлись и, думаю, правильно сделали. Я даже сейчас помню, мама мучилась. Не знаю, любила ли она его. Мне кажется, нет, но они были очень рано помолвлены моими бабками, московский такой, профессорский союз, они женились, но счастливы не были. Она повернулась лицом к Андрею. – А твой отец? Почему он не приехал на свадьбу?

– Ты знаешь, он стеснительный, ну, то есть, у них с мамой все по-другому, да. Они любят друг друга, но мой отец, он в Москве ни разу не был, и не хочет. Отправил на свадьбу мать, я ведь тебе говорил, что он хотел, чтобы мы с тобой женились в Нске, он старых понятий, считает, что на стороне жениха должна быть свадьба, в его доме... Вот и не поехал.

– А как они познакомились?

– Отец после строительного института из Нска уехал строить БАМ, а мама в тот же год по комсомольской путевке на их участок приехала экономистом. Через месяц они расписались, а еще через год родился мой старший брат.

– Но ты же один в семье?

– Старший брат прожил три месяца, умер там же, в Братске, от гриппа, не уберегли.

– О боже, – проговорила Багровская.

– Но они были молодыми, пережили, но на стройке работать не стали. Отец увез мать в Новосибирск. И там уже я родился.

– А ты сколько хочешь детей, Андрей?

– Не знаю, как-то не думал... А ты?

Багровская ничего не ответив, смотрела на него...

– Так вот, о наших планах на отдых, ты меня сбил своим коньяком!

– Я сбил?!

– Да, ты! Мы обязательно должны съездить на Эгейское море. Побывать в Турции и не посмотреть его, я считаю кошунством, мы пойдем в Археологический музей, в нем полно античности, и каждый день будем гулять с тобой по Старому городу, а в последний день ты поведешь меня в ресторан и в клуб, на дискотеку.

– Юля, отличный план, но зачем нам в Турции дискотека?

– Нет-нет, клуб обязательно! Я обязательно пойду, обязательно, слышишь?! Как в свадебном путешествии – и ты не пригласишь меня на танец? Вот как? Я еще посмотрю, может быть, еще не соглашусь с тобой танцевать!

– И для этого ты хочешь пойти на дискотеку?!

– Да, именно для этого! На дискотеке я скажу тебе: нет! Я буду танцевать, и не с тобой! – в ее глазах заблестел тот бедовый огонек, который Андрей знал и который так нравился в ней, а сверху, со стен Старого города, как в подтверждение Юлиным словам, зазвучала зажигательная музыка Dj Mendez. Он звал танцевать, плавать в пронзительно синих водах Средиземного моря, пить белое вино, есть рыбу, мясо, заниматься любовью и снова и снова заниматься любовью и танцевать, и танцевать, и танцевать:

Precalentando, precalentando, tengo una lengua peligrosa!!

I'm gonna give you a lick with my razor tongue,

Fnd no i'll never stop, no i won't shut up.

Don't you feel i'm hotter than the sunnn!

You can believe it or no i'm just warmin' up...

– Пойдем в море, мне стало жарко, – сказал Андрей.

Их свадебный отпуск стремительно летел вперед и приближался к концу, это были огромные, тягучие средиземноморские майские дни. Багровская и Крайнов наслаждались собою, наслаждались отпуском, они были бесконечно счастливы своим кратким недельным путешествием; они выполнили всю программу Юли, побывали в Археологическом музее Анталии, насмотрелись на скульптурных греческих и римских красавцев и красавиц, съездили в путешествие на Эгейское море, побывали на древних островах микенской цивилизации, вечерами пили вино и наслаждались морем и прогулками по Старому городу, и им казалось, что отпуск вечен, а они вечные гости Анталии, ее бесконечных кафешек и баров, и старых городских стен, и блестящего бесконечного Средиземного моря.

В последний день отпуска под вечер они отправились в ресторан ARMa, где Крайнов зарезервировал столик с потрясающим видом на Анталийскую бухту. Багровская была в красной блузке и юбке, открывающей ее красивые колени. Официант принес ей бокал белого французского Пти Шабلي; Крайнов заказал виски. Пошли те первые минуты, какие бывают в ресторане, в который пришел впервые, где даже близкие люди в первые несколько минут ощущают себя чужими и не могут найти нужных слов для начала вечера; и обычно выручает, и это бывает именно в хороших ресторанах, официант, который вовремя оказывается рядом со своим вопросом, или же с бокалами вина, как оказалось в случае с Андреем и Юлей. Они чокнулись, выпили, вспомнив свой красивый отпуск. В ресторане играла живая музыка, негромко звучал вечерний рояль.

– Я хочу, чтобы ты мне рассказал про свою первую любовь.

– Мы познакомились в пионерском лагере, были в одном отряде. Нам было по 14 лет.

– И? – Багровская вопросительно смотрела на мужа.

– Мы дружили в пионерском лагере и год после пионерского лагеря, я к ней приезжал.

Но она жила в другом районе города...

– А как это мешает? – перебила Юля.

– Никак, но ведь нам было по 14 лет, в 14 лет разные районы – это так далеко... я начал учиться...

– У вас был секс? – снова перебила Багровская.

– Нет, ты что, это же первая любовь.

– А что в этом такого?

– Ну, ты понимаешь, Юля, у парней немного... в общем, не знаю, как у вас, у девочек.

Но у парней первая любовь, это мм... это, – он задумался, подбирая правильное слово.

– Платоническая?

– Да, точно, но, конечно, ты как-то желаешь и большего, чем просто встреча, может быть, поцелуй, но, как я себя помню в то время, ну как-то... когда любишь, как-то не думаешь о постели, это ведь как-то случается само собой.

– Это вам так кажется, что само собой!

В это время к их столику подошел официант, принесший сыр.

– To me please whisky glass! – сказала Багровская

– Ты хочешь виски? – спросил жену Крайнов.

– В обед вино, сейчас вино. Надоело, мне захотелось крепкого, – ответила Юля. – И?

Так у вас был секс?

– Да нет, что ты, – рассмеялся Андрей. – За все время мы только один раз-то поцеловались...

– Иногда не понимаю вас, мужчин, – ответила Багровская. – Когда вы любите, тогда и поцеловаться не способны, а если без любви, так под каждую юбку готовы забраться!

– Так, Юля! Это же первая любовь, первая! Это как..., – Крайнов снова не мог найти подходящего слова. – Она не бывает, ну как бы это точно сказать, от нее не бывает женитьбы. Это, я не знаю, это, как первый глоток вина в жизни, – он приподнял свой бокал виски. – Его помнишь, но от него не пьянеешь.

– А нужно пьянеть, – стукнула по столу кулачком Юля. Андрей засмеялся, потому что в этот момент, как по заказу, рядом с ней оказался их официант с бокалом виски. Он улыбнулся черными настойчивыми глазами в глаза Юле, зажег свечу, стоявшую на их столике.

– Thanks, sir! – громко сказала Багровская и, не дожидаясь Крайнова, сделала большой глоток.

Он не хотел спрашивать о ее мужчинах, но почувствовал, что Юля ждала его вопроса, хотела рассказать о себе.

– А моя первая любовь, – не дождавшись его вопроса, начала Багровская. – Была на втором курсе, но не профессор, я как-то на своего отца посмотрелась. Я подрабатывала в одной консалтинговой фирме секретаршей. И влюбилась в директора по развитию. Он был старше меня лет на 30, еврей, пожилой и некрасивый, но такой умный! Я влюбилась в его ум. Я готова была отдаться ему где угодно и когда угодно, настолько я была влюблена в него, и он, конечно, все понимал

Андрей посмотрел на нее.

– Нет, он относился ко мне, как к ребенку, и не тронул меня, хотя скажи он только слово, только пальцем помани – и я была бы его. Но он как-то так смотрел на меня, как будто пальцем журил, – засмеялась Юля. Она допила свой бокал виски и захотела еще. И снова, как по желанию, появился официант, на этот раз с рыбой.

– Repeat please! – показала Багровская на пустой бокал с виски.

– Мне тоже, – кивнул на свой бокал Крайнов.

– На нас сейчас как на русских будут смотреть в этом ресторане! – засмеялась Багровская, кивая на благопристойных толстых соседей и соседок. Впрочем, она ошибалась, на них никто не обращал внимания, слишком хорош был вечер: когда вечернее солнце падало за морской горизонт, а морская гладь успокаивала человеческую природу, а огонь свечи спокойно и мерно горел на морском воздухе.

Доев рыбу, они мелкими глотками пили виски, смотрели на море и не смотрели друг на друга. Уже несколько минут как перестал звучать рояль, стал слышен шелест моря, вдруг за его негромким шумом из глубины ресторана раздалась, все усиливаясь, песня Шер Dov'e l'amore

Dov'e l'amore
I cannot tell you of my love
Here is my story!!

I'll sing a love song
Sing it for you alone
Though you're a thousand miles away
Love's feeling so strong!!²

– Идем на дискотеку, Андрей, – Багровская вскочила. – Рассчитывайся, я сейчас вернусь.

Они вышли из ресторана, зная, что где-то поблизости находится ночной клуб Арма, но не сообразили где. Багровская обратилась к здоровенному охраннику, турку.

² Где любовь, где любовь Я не могу сказать тебе о своей любви, это моя истина. Я спою песню о любви, спою только для тебя. Несмотря на то, что ты за тысячу миль от меня. любовь так сильна.

– We need a disco Arma, we correctly go?³

– Yes, go there⁴, – замахал руками охранник в сторону клуба, который, как оказалось, находился неподалеку, метрах в ста в гору в сторону города.

Они поднялись. Багровская шла под руку с Андреем, ее глаза блестели в темноте как у кошки. «Она пьяна», – думал Андрей, поднимаясь. Уже на подступах к клубу резко сменилась атмосфера, в воздухе стало душно, был слышен ритмичный танцевальный рейв, рядом со входом стояли десятки молодых людей, чувствовалось приближение сотен разгоряченных ритмом, алкоголем, друг другом молодых мужских и женских тел.

– Какие здесь симпатичные парни, не то, что наши московские заморыши! – кивнула Багровская в сторону десятка молодых турков, окружавших вход в Арма. В Крайнове проснулась ревность, он едва ли не впервые почувствовал себя москвичом.

– Это же охранники, Юля!

– Ревнуешь! – засмеялась Багровская. – Пойдем, найдем бар. Я хочу сегодня напиться. Ты понесешь меня сегодня в номер! А вот и для тебя! Я гляжу девочки, наши русские девочки! – Багровская показывала пальцем в сторону танцпола, где, красиво двигая бедрами в бикини, танцевали три молодых, по всему русских, девушки.

– Смотри, какие красивые! Нигде таких не встретишь! Такие красивые девочки только у нас! В России! – уже кричала, перекрикивая музыку, Багровская. Она увидела бар и потянула к нему Крайнова.

– Two Bacardis to me, two Bacardis!⁵ – кричала бармену Юля. Перекрикивала зазвучавший хит сезона – песню Melanie C I turn to you!⁶ Она двигала талией перед барменом вместе с сотнями других в мгновение затанцевавших молодых мужских и женских тел.

Like a flower leaning towards the sun

I turn to you

'cause you're the only one!⁷

– Who pays?⁸ – кричал в ответ бармен.

– He pays, he!⁹ – показывала на Крайнова пальцем Багровская, хватая бокалы с коктейлем и уходя в самое сердце танцующей толпы, жадно глотая коктейль и ритмично двигаясь под музыку.

Who can turn me around when I'm upside down¹⁰

I turn to you!!! I turn to you!!!

I turn to you!!! I turn to you!!!¹¹

Крайнов, пока рассчитывался с барменом, а тот намеренно завозился со сдачей, потерял Юлю. Крайнов рванул в жерло танцующей толпы, поймал на себе жадный, хищный взгляд какой-то совершенно пьяной девицы, дергавшейся перед ним, обошел ее, но Багровской не было. «Напилась! Что делать? В толпе искать... где ее искать? Тут полно непонятной пуб-

³ Подскажите, мы правильно идем к дискотеке ARMa?

⁴ Да, идите туда

⁵ Два бакарди, мне два бакарди.

⁶ Я обращаюсь к тебе!

⁷ Я обращаюсь к тебе, как цветок обращается по направлению к солнцу. Я обращаюсь к тебе, потому что ты единственный!!!

⁸ Кто платит?

⁹ Он платит, он!

¹⁰ Кто может помочь, когда все во мне вверх дном

¹¹ Я обращаюсь к тебе, я обращаюсь к тебе!! Я обращаюсь к тебе!! Я обращаюсь к тебе!

лики, а она пьяна. Вернусь в бар». Официант сально улыбался ему. «Да что же вы тут все улыбаетесь-то!» – думал Андрей. Отыграл еще один хит сезона Modjo – Lady. «Нет, так нельзя, надо что-то делать? Надо все это свернуть и объявить по радио, что потерялась девушка», – решил Андрей. Он начал вспоминать правильные английские слова, когда музыка утихла. Диджей объявил: Ladies and gentlemen, we declare slow dance. Ladies invite gentlemen! Enrique Iglesias and Whitney Hoyston! And hit:

Could i have this kiss forever!¹²

Over and over I look in your eyes

you are all I desire

you have captured me...¹³ – пел Иглесиас.

Крайнов двинулся к диджею, как вдруг кто-то потянул его за рукав футболки, он обернулся и увидел Юлю. Она была не одна, за предплечье левой руки ее держал высоченный и накачанный турок.

– This is my boyfriend!¹⁴ – кричала Багровская турку, перекрикивая Уитни Хьюстон и показывая на Крайнова, и пыталась вырвать руку. Андрей вклинился между ней и турком и только тогда понял, насколько огромен тот был. Выше Крайнова сантиметров на пятнадцать, он точно был тяжелее его килограммов на тридцать, драться с ним было бесполезно, но Крайнов задвинул Багровскую за себя.

Over and over I've dreamed of this night

Now you're here by my side

¹² Дамы и господа! Дамы приглашают кавалеров на танец! Энрике Иглесиас и Уитни Хьюстон! И хит: Поцелуй навечно!

¹³ Снова и снова в глаза я смотрю, Ими в плен я захвачен навеки. Слиться в объятьях с тобою хочу Навсегда, как сливаются реки.

¹⁴ Вот мой парень!

You are next to me!!!¹⁵ – пела Хьюстон.

– This is my girl!¹⁶ – сказал, стиснув зубы и посмотрев в глаза турку, Крайнов.

– No. This is my girl!¹⁷ – ответил ему турок. Но руку Багровской отпустил.

– My girl!¹⁸ – ответил Крайнов и двинулся корпусом на турка. Тот, поняв, что русский не отступит, выругался по-своему и, развернувшись, ушел.

I want to hold you and touch you taste you

And make you want no one but me

I wish that this kiss could never end

oh baby please!!! – продолжала петь для всех танцующих Уитни, а Багровская прижалась к Крайнову, из ее глаз бежали слезы, а тушь размазалась под глазами. Они стояли неподалеку от бара, обнявшись

Could I hold you for a lifetime

Could I look into your eyes

Could I have this night to share this night together...

Could I hold you close beside me

Could I hold you for all time

Could I have this kiss forever

Could I could I have this kiss forever, forever!!! – пела для всех влюбленных Уитни Хьюстон.

– Андрей, не бросай меня, пожалуйста, не бросай! – шептала Юлия Крайнову, прижимаясь к нему своей тоненькой фигуркой, и так они стояли среди танцующих пар.

– Я не хочу, чтобы хоть одна ночь прошла

Без тебя...

Я просто хочу все свои дни

Провести с тобой...

Жить лишь для того, чтобы любить тебя,

Могу ли я остаться с тобой на всю жизнь?

Могу ли я смотреть в твои глаза?

Можем ли мы быть этой ночью вместе?

Могу ли я крепко прижимать тебя к себе?

Могу ли я быть с тобой все время?

Могу ли я, могу ли я сохранить этот поцелуй навеки?

Могу ли я, могу ли я сохранить этот поцелуй навеки, навеки?

¹⁵ Снова и снова в мечтах о любви Мои ночи и дни протекают...

¹⁶ Это моя девушка!

¹⁷ Нет, это моя девушка!

¹⁸ Моя девушка!

Глава 8. Сон

Вернувшись из отпуска Крайнов узнал о том, что в РБСи проводится конкурс на должность руководителя проекта экономических региональных новостей. Он подал свою заявку на участие. Спустя неделю, в первую пятницу июня 2000-го, Крайнова вызвал к себе руководитель департамента спецпроектов РБСи, Антон Молохов. Это был молодой мужчина, на два-три года старше Крайнова. Жилистый, похожий на небольшой квадрат, он был невысокого роста, носил дорогой двубортный костюм, очки, которые придавали ему сходство с математиком. Молохов стеснялся очков, что было заметно по произвольным движениям левой руки, он часто поправлял их. Иногда он снимал очки, и в этот момент можно было поймать взгляд его кругло-серых, по-детски беззащитных подслеповато-математических глаз. Молохов, словно чувствуя это, быстро надевал очки, снова превращаясь в корпоративного рыцаря одной из ведущих российских интернет-компаний, пробивающего дорогу новым проектам РБСи.

Молохов был приезжим из одной из областей московского подбрюшья, откуда Москва высасывала умных и активных людей, превращая их в самых рьяных своих почитателей. В двадцать с небольшим лет, закончив институт прикладной математики при государственном университете в Туле, он на четвертом курсе открыл один из первых российских интернет-магазинов. Магазин был прибыльным, а Молохов перекуплен как успешный менеджер создателями РБСи. Он являлся одним из тех нагловатых умниц, которые в начале нулевых двигали и создавали российский интернет.

– Андрей, поздравляю, ты победил в конкурсе.

Крайнов, не скрывая радости, заулыбался.

– Но это только начало, проект в начальной стадии существует уже второй месяц, работает пара редакторов, программист, ты подключаешься с понедельника. Наша первая задача – через месяц представить проект на РуРоторе. Знаешь, что такое?

– Что-то слышал, да...

– Раз в год интернетчики выбирают лучшие сайты в различных номинациях. Мы поучаствуем в конкурсе. Представлять проект будешь ты. Готовься, – Молохов привстал со своего места, пожал Крайнову руку, показывая, что разговор закончен. Снова сел, погрузившись взглядом в монитор, забыв о Крайнове.

Конкурс российского интернета проходил напротив главного офиса РБСи, в центре «Меридиан» с концертным залом больше чем на тысячу мест и фойе с огромными панорамными окнами. Крайнов рассказал о проекте перед несколькими сотнями участников РуРотора, но победителем в их номинации стал музыкальный проект. Огорченный, он вместе с Молоховым выходил из большого зала. Организаторы РуРотора пригласили участников конкурса продолжить неофициальную часть конкурса в фойе главного зала.

– С этим составом жюри нам было и не победить, – говорил Молохов. – Но мы показали им свой проект. Все в порядке, ты отлично выступил!

Они вышли в фойе, где вдоль стены стояли накрытые фуршетные столики.

– Андрей, побудь здесь для приличия, а мне пора.

Молохов попрощался. Крайнов подошел к ближайшему свободному столику. Взял пару бутербродов, бокал с красным вином. Рядом с ним оказался бородатый, по виду старше Крайнова лет на десять, невысокого роста темноволосый, но уже начинающий лысеть мужчина. Он улыбнулся в глаза Крайнову, представился Мишей Серлицким. Они разговорились. Серлицкий держал в руках бокал вина, со смаком и любовью, большими глотками выпивал его и выискивал взглядом, где бы подхватить следующий бокал.

– У вас в РБСи все поставлено на коммерческую ногу, – заговорил Серлицкий. – Но бизнес и коммерция – это еще не все! И более того, появление интернета показывает, что коммерция и деньги раньше или позже будут побеждены.

– Я не понял, Михаил, чем побеждены? – переспросил Крайнов.

– Интернет появился для того, чтобы победить мировое зло в виде денег и капитализма! И не принимайте меня за безумца и сумасшедшего! – зло и одновременно с иронией глянул на Крайнова Серлицкий. – Я по образованию математик!

– Я и не принимаю...

– Все принимают! Вот посмотрите, – Серлицкий ткнул пальцем в сторону, приближающегося к ним мужчины примерно тех же лет, что и Крайнов. – Это Литвинов. Будущий первый российский президент-либерал! И против таких вот либералов я борюсь! И убиваю их везде и как могу!

К Крайнову и Серлицкому подошел молодой высокий мужчина в черных джинсах и белой рубашке с короткими рукавами. У него была заметная внешность: карие глаза, вытянутое, продолговатое лицо, выдающийся лоб, говорящий о большом уме.

– Здравствуй, Миша! – издали и неожиданно высоким голосом, почти фальцетом, начал говорить высокий мужчина. – Президентом мне не быть, я же не служил в армии, а в нашей милитаристской стране президент обязан побывать в рядах вооруженных сил.

– Зато ты хочешь, Сережа, стать президентом, знаю, хочешь! Но мы, имперцы, не дадим! Всех вас, либералов, поубиваем! Вот, знакомьтесь!

– Сергей Литвинов, – представился высокий мужчина, протянул небольшую ладонь и крепко пожал руку Крайнову. Затем он достал визитку, Крайнов – свою. На визитке Крайнов прочел: «Сергей Литвинов, генеральный директор социально-маркетингового агентства „Вече“».

– Я слушал вашу презентацию, Андрей. Интересный проект. Для российских регионов это репрезентативно, иметь актуальную экономическую информацию, очевидно, у вас будет аналитика. Очень современно. Для моего агентства региональная специфика приоритетна при проведении социально-маркетинговых кампаний; если говорить в современной политической лексике, то мы работаем в основном в Центральном, Южном и Северо-Западном федеральных округах, но намерены развивать свою деятельность и на другие федеральные округа России. Полагаю, что будут в дальнейшем общие точки соприкосновения, тем более что мы готовимся запустить информационный проект, освещающий социально-политическую повестку в регионах Российской Федерации...

Крайнов слушал Литвинова и в какой-то момент физически ощущал, как его дребезжащий фальцет, его умный, но неподвижный, безжизненный взгляд завораживает, заставляя забыть, о чем и для чего они говорят... Только вмешательство Серлицкого, объявившего, что ему пора уходить, вернуло Андрея в действительность.

– Да, Сергей, спасибо, конечно, мне также интересна деятельность российских маркетинговых компаний, ведь вы же занимаетесь социальным маркетингом? Я правильно понял?

– Да, правильно, – казалось, чуть недовольно ответил Литвинов.

– Аа, хорошо, что правильно, – искренне обрадовался Крайнов. – Ведь это направление маркетинга совсем не развито в России. И еще вы хотите создать агентство, информационное агентство? Верно, да?

– Да, – еще раз подтвердил Литвинов.

– Да, очень интересно

У Крайнова зазвонил его «Сименс».

– Извините...

– Всего наилучшего, всех благ! – откланялся Литвинов.

Звонила Багровская.

- Андрей, привет, ты освободился?
- Да.
- Я хочу сходить куда-нибудь сегодня...
- Давай, ходим, да. Думала куда?
- Не знаю, пойдем в кино, в Художественный, мне недалеко от работы.
- Пойдем, Юля. Я уже свободен, могу быть минут через сорок, ты как?
- Я закончила на сегодня с работой.
- Тогда встречаемся у входа.
- Ок, – сказала Багровская и первой положила трубку.

Был вечер, было жарко и душно, Крайнов пришел первым, через несколько минут подошла Багровская.

– Есть что-нибудь интересное в кино? – спросила Юля. На ней была классическая юбка, облегающая ее худенькую фигурку блузка, в руках легкая кофточка на вечер, сумочка, легкие летние прогулочные босоножки, открывавшие ее красивые лодыжки.

– Ты знаешь, самое интересное – «Патриот» с Мэлом Гибсоном, билеты есть, но я пока не купил. Пойдем?

– Нет, я не хочу идти на голливудщину. В Музее кино новый фильм Вонг Карвая, начинается в семь, мы успеем прогуляться и хорошее кино посмотрим.

Они спустились в подземный переход под Арбатским проездом, внизу в переходе, собрав толпу народа, перуанские индейцы играли El Condor Pasa. Проходя мимо «Спорт-бара», Андрей, кивнул в его сторону:

– Помнишь, здесь мы с тобой познакомились.

Багровская задумчиво улыбнулась ему в ответ:

– Да, помню. Ты мне сразу понравился. Такой молчаливый, провинциальный и романтический!

– Ты мне тоже понравилась...

– Нам, пожалуйста, билеты на новый фильм Вонг Карвай, – сказала Багровская толстой кассирше, строго из-под очков смотревшей на нее.

– Как же он называется?.. – обратилась она к Крайнову за помощью, видя, что кассирша продолжает испытующе смотреть на них, ожидая названия фильма. – Ну, что молчишь?!

– Да я и не знаю... «Патриот»? – первое, что пришло в голову, брякнул Крайнов. – Нет?

– Какой еще «Патриот»?!

– Фильм, молодые люди, называется «Любовное настроение»! – как учительница математики в школе отчитала Багровскую и особенно безнадёжного Крайнова кассирша, и с неудовольствием выдала им билеты.

– Вот тебе и на, – тихо проговорил Крайнов.

Багровская засмеялась в ответ:

– Эх ты, «Патриот», провинция! Здесь даже кассирши в кино разбираются, имей в виду! Пойдем, выпьем по чашке кофе.

Они сели за свободный столик в небольшом кафетерии Музея кино. Крайнов заказал кофе, им сварили по чашке американо.

– Рассказывай, как прошла твоя презентация!

– Да все, в общем, было неплохо, но наш проект не стал первым, какие-то другие цели мы преследовали, участвуя в конкурсе.

– Скорей всего, – умно ответила Багровская. – Пойдем, нам пора.

Они сидели вечером на кухне, Крайнов жадно поедая им самим же сваренные покупные пельмени со сметаной, Багровская в коротком халатике, с ногами забравшись на стул, поправ-

ляла пилкой маникюр на руках. Андрей, утолив первый голод, обратил свой взгляд на жену, та задумчиво продолжала пилить ногти.

– Юль, ты второй день какая-то задумчивая. Что-то на работе не так?

– Я вот не пойму, почему тебе не понравился фильм Карвая? – вместо ответа промолвила Багровская.

– Ну, не то что он мне не понравился, я его не понял. Вот они, главные герои, вроде полюбили друг друга, это я понял... А потом все неясно... Мне кажется, фильм хороший, но его бы еще раз по-хорошему посмотреть, чтобы понять.

– Как ты не понимаешь, не обязательно все понять, это же фильм о чувствах! В них невозможно все понять!

– Ну да, – согласился Андрей. – Но мы же про фильм говорим, а не про чувства. И если бы еще раз посмотреть кино, то все было бы ясно. Хорошие фильмы можно помногу раз смотреть. Давай завтра сходим на него еще раз?

– Мне сон вчера приснился, – снова перешла на другую тему Багровская. – Такой сон... как будто бы со мной рядом в кровати лежит мой ребенок и сосет мою грудь... и так мне было хорошо, так счастливо от этого. А потом я просыпаюсь, а его нет... И так мне стало завидно женщинам, у которых есть дети...

– Какой красивый сон, – не сразу ответил Крайнов.

Она быстро взглянула на него.

– И при чем здесь красивый сон, Андрей?! Просто я хочу ребенка...

Глава 9. Обман

Такое было едва ли не впервые в России: страна, привыкшая и умевшая жертвовать своими детьми, в августе 2000 года следила за катастрофой, которая произошла с моряками подводной лодки «Курск». Семь дней страна обсуждала, удастся ли спасти моряков, и тем тяжелее было узнать, что шансов на спасение у подводников не было.

В стране был объявлен день траура, Золотарев в этот день ушел раньше с работы. Он выходил из института, когда зазвонил мобильный телефон. Звонила Маша Севостьянова:

– Але, але, Володя, я купила билет в Москву, завтра выезжаю!

– Привет, Маша! Подожди, как выезжаешь? Я же в сентябре приеду в Томск, как договаривались?

– На работе мне дали неделю выходных, я приеду к тебе!

– Да, но мы же..., – снова начал Золотарев.

– Нет, Володя, ты же видишь, что происходит! Я не могу ждать, я приеду к тебе на четыре дня, а потом ты в сентябре, я уже купила билет!

– Да, Маша, конечно, приезжай, я очень рад, конечно, приезжай, – повторил Золотарев.

– Ну вот! – обрадованно ответила Севостьянова. – Ты сможешь меня встретить? Если ты очень занят, скажи, я приду сама куда нужно.

– Конечно, я встречу, Маша.

«Вот же, черт побери, как неожиданно, – думал Золотарев, возвращаясь в общежитие. – Что делать и куда ее пристроить? Ну и опять же хорошо, значит, она любит меня».

Он возился у плиты, отваривая макароны, когда к нему постучали, это был Миша Зварич, который вернулся в Москву из Ростова.

– Что-то ты раньше, чем планировал, – спросил поздоровевшего, загоревшего Зварича Золотарев.

– Уходим на научном судне в Карибское море через неделю, шеф вызвал пораньше, – ответил Миша.

– О, здорово, поздравляю, а я все лето в Москве просидел. Следил за «Курском»?

– Конечно! Утопили моряков! Ведь сразу было ясно, что спасти нечем, сразу нужно было англичан и норвежцев звать на помощь. Нет! Несколько дней ждали. «Мы сами все сделаем!» И что сделали! Сами же и утопили, а ведь хоть кого-то могли спасти!

Золотарев не стал вступать в спор с Мишей, спросил о другом:

– Слушай, я тебе рассказывал, что осенью собираюсь ехать в Томск, жениться, а невеста не выдержала, приезжает раньше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.